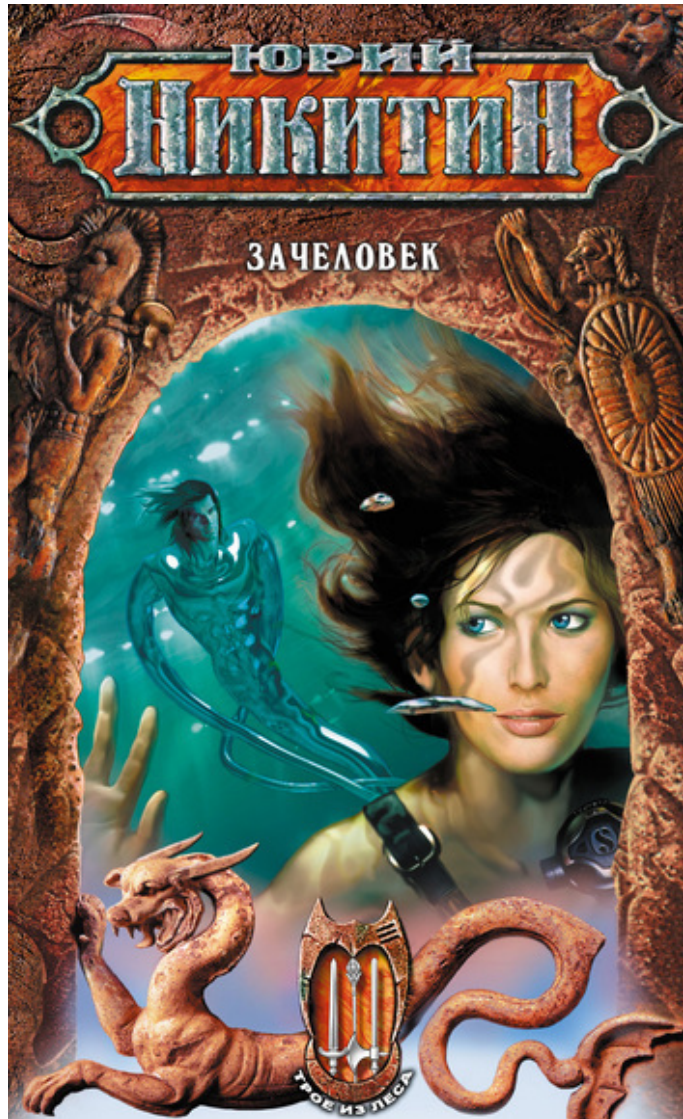

ЮРИЙ НИКИТИН

ЗАЧЕЛОВЕК

Юрий Александрович Никитин

Зачеловек

Серия «Трое из леса», книга 18

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130762

Никитин Ю. Зачеловек: Фантастический роман: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-21996-4

Аннотация

Кто-то обронил однажды: карьера человека во Вселенной заставляет задуматься, нет ли у него случаев чьей-то протекции? Вопрос интересный, потому что даже если Вселенную создал Бог, то затем, судя по развитию событий, он полностью устранился.

У человека свобода воли, так что всеми своими победами и поражениями он обязан только себе. Однако при всех поражениях, катастрофах и страшных провалах он идет по пути прогресса удивительно быстро. Неожиданно быстро. Даже с какой-то легкостью...

И когда однажды Олег услышал могучий голос, у него волосы встали дыбом. С ним заговорила сама Вселенная. И - потребовала срочной помощи...

Содержание

Предисловие	4
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	67
Глава 6	82
Глава 7	98
Глава 8	116
Глава 9	132
Глава 10	150
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Юрий НИКИТИН

ЗАЧЕЛОВЕК

Предисловие

Не было еще ни одной моей книги, о которой не сказали бы, что это полный и окончательный провал Никитина. И что отстой, дальше которого уже некуда. И читать невозможно, не то, что... здесь упомянут какую-нибудь из моих ранних вещей, о которых, кстати, в те древние времена говорилось то же самое.

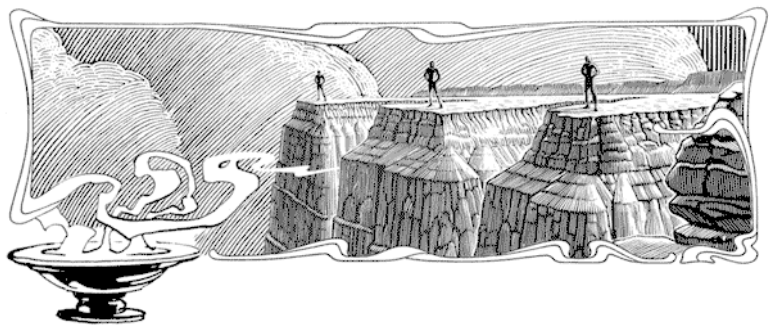
По эту, ессно, будет сказано тоже насчет провала и отстоя. Слишком уж непонятна простому и даже очень простому человечку, привыкшему, что в космосе даже между галактиками передвигаются на телегах, то бишь космических кораблях, дерутся световыми мечами, конечно же, хорошо сбалансированными, палят из бластеров, интригуют за королевские троны и вообще живут по сегодняшним законам. Знаем, вчера были другие, позавчера – тоже, но в суперпуперном будущем все будет именно такое, как вот щас, только машин больше, компьютеры – мельче, а морды – ширше.

И вам такое примитивненькое не надоело?

Весело

Юрий Никитин

*Посвящение:
Трансчеловекам среди нас, кто уже сейчас не
страшится будущего, а приближает его!*

Часть 1

Глава 1

От стадиона «Динамо» двигалась по проезжей части, захватив и тротуары, галдящая толпа крепких молодых парней. Солнце играет на блестящих от солнца загорелых плечах, все парни в майках с надписью «Спартак», выплескиваются и выплескиваются из урбанистического здания стадиона, конная милиция в сторонке, вообще старается не попадаться на глаза, а парни вышли к Ленинградскому проспекту, прохожие пугливо жмутся к стенам, прячутся в павильоны магазинов.

Мрак смотрел из окна, с высоты тридцатого этажа толпа выглядит массой целеустремленнодвигающихся муравьев. Вот попался по дороге жук-автомобиль, блестят на солнце металлические надкрылья, передние муравьи обогнули с двух сторон и прут дальше, но жук затрясся от укусов идущих сзади, нечего тут корячиться на дороге, у многих ребят бейсбольные биты, есть и любители кожаных перчаток со стальными вкладышами, а кое-кто и с кастетами на обеих руках, от удара шипованного кулака даже в толстой дверце остаются вмятины.

– О, – сказал он с удовольствием, – сейчас начнется...

Олег вроде бы дремлет в глубоком кресле, ноги на низком столике, в руках иллюстрированный журнал по генетике, но взгляд зеленых, как молодая трава, глаз прям и ясен, разве что бесцельно завис в пространстве.

– Что там? – спросил он безразлично, потому что Мрак ждал именно это «что там».

– А то, – сказал Мрак с еще большим удовольствием, – что навстречу фанаты «Локомотива»!.. Нет, остановились, занимают, так сказать, стратегические позиции. И ждут остальных. Ох, щас начнется...

Олег поморщился, перевел взгляд на страницы журнала. Мрак высунулся из окна по пояс. Толпа внизу, разогреваясь выкриками, громким смехом, двигалась уже как половодье, запрудив улицу от стены до стены, не делая различия между тротуарами и проезжей частью. Пара автомобилей попала навстречу. Один тут же завяз, как будто утонул по крышу, второй пытался сдать задом, но развернуться не успел, послышался жестяной грохот, звон битых стекол, в воздухе замелькали биты.

На перекрестке перегородила движение стена таких же крепких ребят, но не в майках, а в кожаных куртках на голое тело с эмблемами «Локомотива». У переднего ряда устрашающего вида биты в руках, у некоторых удальцов даже с шипами, куртки у многих с металлическими полосами на груди, на рукавах, а на плечах вообще на манер погон – полностью закрывающие кости от ударов.

Часть фанатов «Спартака» подошла к выходу на перекресток, остановились, поджидая своих, и тут команда локомотивцев, уже взвинченная ожиданием, ринулась, сперва молча, затем в задних рядах раздался дикий звериный крик. Передние ряды спартаковцев смяло, как пустые картонные коробки, растоптало. Локомотивцы с яростными криками устремились, топча сбитых с ног, сшиблись с основной массой спартаковцев и тоже сперва отодвинули, но тех все же больше, кое-как остановились, передние задыхаются от тесноты, кричат, бьют битами по головам, по рукам, плечам, биты с сухим треском сталкиваются в воздухе.

– Крепко, – сказал Мрак одобрительно. Плечи подергивались, он тоже наносил удары, блокировал, парировал, делал нырки и бил снова. – На этот раз локомотивцы подготовились лучше!.. У них куртки, как доспехи.

Олег поморщился.

– В такую жару?

– Лом костей не парит, – сообщил Мрак. – Как думаешь, возьмут реванш?.. Кто победит, фанаты «Спартака» или фанаты «Локомотива»?

– Фанаты ОМОНа, – ответил Олег безразлично. – Яфета не видать на горизонте?

– Не пробьется, – буркнул Мрак. – Все же локомотивцы теснят... Во всяком случае, не отступают. Давай загадаем, сколько будет убитых?

Олег отмахнулся.

– Да какая разница?.. Все равно их слишком много.

– Кого, локомотивцев?

– Вообще, человекoв. Вот сижу и думаю, а не поддержать ли этих мягкосердечных идиотов, что ратуют за полный запрет кровавых байм?.. Глядишь, сразу поднимется уровень насилия на улицах. А это в каждом городке на десяток-другой убитых больше, хоть немного да снизится уровень ненужного населения.... Нет, десяток-другой – мало. Надо чтобы порадикальнее. Чтобы сотни трупов. Желательно – тысячи. В каждом крупном населенном пункте.

– Жалко, – сказал Мрак. – Не этих идиотов, а байм жалко. Если их запретить продавать, то и создавать будут меньше. А я так люблю побегать с автоматом по виртуальным просторам...

Олег хмуро промолчал. Никуда не денешься, агрессия у высших животных всегда плещет через край. Еще с первобытных времен ее пытались направить в какое-то русло: где заменяли ритуальными танцами вокруг костра и швырянием дротиков в намалеванного мамонта, где гладиаторские бои, рыцарские турниры, спортивные игры, трус-де не играет в хоккей, романтизация профессий каскадера, альпиниста, геолога, подводника... Увы, раньше с ритуализацией агрессии справлялось простое искусство, будь это песни бардов, картины художников или спортивные танцы, но создание псевдособытий требовало все более яркой окраски. Фильмы поневоле становились все более жестокими, а кар-

тины про киллеров или маньяков все востребованнее, молодые ребята мечтают о карьере мафиози, девочки рвутся в проститутки. Вроде бы за века выработали надежные приемы конвенционализации конфликтов, но самые кровавые фильмы и баймы приедаются, у каждого усиливается и поднимается из глубины естества иррациональная жажда ломать, бить, крушить, убивать, и вообще растет потребность серьезных, а не придуманных столкновений. Так что скоро и этих тщательно спланированных столкновений молодежи будет мало. Пока что выпускают пар в таких вот драках, пару месяцев будут ходить гордые, бахвалиться шрамами, кровоподтеками, перебитыми костями, потом все начнется сначала... Это уже полуконвенциальные стычки, а скоро восхочется настоящих, без тормозов и правил...

Он тяжело вздохнул, не хочется признавать, что человек иррационально жаждет войн, убийств, разрушений, но если этого не признавать и не принимать меры, то мир с искусственно погашенными конфликтами может взорваться т а к о й войной, что и Аттиле мало не покажется.

Мраку, похоже, надоело наблюдать за кровавой разборкой: у какой команды группа поддержки круче, разом исчез у окна и возник в кресле напротив Олега. Только что был в жилетке на голое тело, а сейчас вдруг уже тщательно одетый в стиле ретро, тут же вдруг оказался в дорогом супермодном костюме, в джинсовке, в спортивном, наконец, все исчезло, снова в кресле в жилетке, одной рукой листает иллюстриро-

ванный журнал, а другой почесывает грудь.

Из кухни примчался толстый щенок, пробежал мимо Олега и принялся карабкаться по штанине к Мраку. Мрак, не глядя, подхватил его широкой ладонью под теплое пузо и уложил на колени. Щенок начал устраиваться, грести место, топтаться, Мрак пригрозил, что выгонит, и щенок с тяжелым вздохом улегся, скорбно вздохнув.

Мрак еще пару раз сменил наряды, Олег вперил недовольный взор, Мрак с живейшим интересом листал журнал мод.

– Здорово, – заметил Олег саркастически. – Вот уж чего не ожидал!

– А чего? – ответил Мрак невозмутимо. – Если не ходить по магазинам, не переодеваться... то почему и нет? Да ладно, это я от безделья. Яфет уже близко... сейчас едет по Башиловской. Надеешься, убедить стать протектором?

– Хотелось бы.

– Вряд ли получится.

– Почему?

– Многим из Тайных, – пояснил Мрак, – совсем не нравится то, куда мы ведем. И даже куда пришли.

Олег стиснул челюсти, по комнате метнулись плазменные молнии.

– Будущего не понимают, – сказал он зло, – не принимают и... боятся.

Мрак хмыкнул:

– Так это же понятно! Естественно, как сказал бы Россоха.

Все боятся. Не зря же все, как Тайные, так и простой народ, любят средневековье! Просто обожают.

– Я тоже люблю, – признался Олег. – Но такой уж я урод, и будущее люблю. И хочу поскорее приблизить. Для Тайных, кстати, вовсе не обязательно любить то, что делаешь. Тайные на то и властелины, чтобы делать то, что н а д о, а не то, что хочется.

– Так и делали, – заметил Мрак. – Ты уж давай, признавай, а то набросился! Еще покусаетесь... Все века и тысячелетия делали, упорно топали к будущему. Просто сейчас впереди такой скачок, что и у меня мороз по железной шкуре. И шерсть кристалликами. Скачок на такую высоту, что даже приблизительно не видим, во что выльется... и что получится. А Тайные привыкли планировать тщательно, это их первейшая обязанность. Обязанность предусматривать вся ямки и ловушки на пути прогресса, ямы засыпать, ловушки обезвредить. И то не успевали! А что будет сейчас? Они в панике, я их понимаю.

– Ты?

– Я. В чем-то я человек очень мирный, Олежек. Не то, что ты – тихий-тихий, а кровопускатель страшнее Джека Потрошителя.

Олег поморщился.

– Мне бы не хотелось столкновения.

Мрак хохотнул.

– Ну да, сейчас это будет шесть муравьев, напавших на

человека. Так, мелких муравьев...

– Да, похоже.

– Тем более, мы уже не человеки.

Он оглянулся на широкий телеэкран во всю стену, телефильм прервали для экстренной сводки новостей, на экране появилось медленно опускающееся здание Милоновского рынка, снизу вырываются клубы пыли, огромное здание похоже на взлетающий космический корабль, но, увы, сразу видно – не взлетает, а рушится. Так же взорвали в прошлом месяце рынок в Косино, тоже три заряда под опоры, и шестиэтажное здание осело и разрушилось, как карточный домик.

Взволнованная дикторша бойко затараторила о теракте, о многочисленных жертвах, число которых уточняется, о заявлении начальника МВД с обещанием найти и покарать строго по закону, камеры, не перегибая палку, профессионально умело показывают раздавленные тела, размозженные головы с вытекающими мозгами, уцелевших счастливицков с залитыми кровью лицами, которых уводят под руки. Сразу три камеры показали эффектные кадры, когда обезумевший мужчина рвался в пыльное облако, что-то кричал, глаза отчаянные, а спасатели быстро и умело огораживают место взрыва, прибывшая милиция оттесняет зевак и добровольцев.

Олег смотрел угрюмо и молча. При всем всесилиии нет правильного решения, что и как делать. Нет, решение есть, даже не одно, но нет именно одного, правильного, чтобы сра-

зу понятно: вот оно, единственно верное. Бомбы взрываются все чаще, в сутки по планете гремит около двухсот взрывов, из них пять-семь в Израиле, остальные – в Америке и Европе. Двести – немало, но хуже то, что с каждым месяцем их число растет. Правда, такие бомбы очень простые по конструкции, взрывчатку изготавливают прямо на кухнях, а как и что делать – качай из Сети, там все рецепты и все виды бомб. Из-за простоты и примитивности они не разрушают целые кварталы, а две трети таких террористов полиция успевает выловить еще до операции, но все равно находятся все новые и новые шахиды.

Мрак прорычал яростно:

– Это все потому, что запретили войны! А в наших душах живет страсть к разрушениям. Да что там живет, кипит, что бы там ни говорили прекраснодушные мечтатели! Они, идиоты, говорят то, что хочется им самым слушать, а правда, она, такая шипастенькая...

Щенок проснулся, хотел тоже порычать, помогая хозяину, но только пискнул, снова вздохнул тяжело и печально.

– Спи-спи, Барсик, – сказал Мрак ласково.

– Барсик, – буркнул Олег. – Ничего себе барсик. Он же толстый, как медведь коала!

– Вырастет, будет худеньким, – пообещал Мрак. – Может быть.

– Страсть живет, – согласился Олег, – человек разрушать любит, а сейчас эта подавляемая страсть вырывается из под-

поля... Но что войны запретили – великое благо. Только вот отдушину для конвенционального насилия оставили чересчур маленькую. Все-таки нужна возможность локальных войн. Строго ограниченных, только для добровольцев, в отведенных местах...

Мрак указал на экран, где быстро мелькали сводки новостей.

– Смотри, эти идиоты снова потребовали запрета на те баймы, где жестокость выше нормы!.. И не показывать фильмы, где взрывают дома. Идиоты. Ну что за идиоты... Стараясь искоренить жестокость в баймах, фильмах, книгах, выпускают на свободу наяву.

– Тебя бы в законодатели, – буркнул Олег.

Мрак приосанился, посмотрел на себя в зеркало.

– А что? Я бы им назаконодательствовал! Все бы по струнке ходили! Строем. И сапоги бы у всех блестели.

Включился квадрат экрана на другой стене, а телекамера, оснащенная «искусственным интеллектом», как громко названа улучшенная модель, выхватила участок дороги, там машина сбрасывает скорость, подъезжает к бровке. Мощная машина представительского класса, стекла тонированные, с антивзрывным устройством на бампере. На стоянке датчики мгновенно проверили по всем параметрам, от поиска взрывчатки до опасных вирусов, с тротуара поспешил крепкий парень в костюме небрежного покроя, такие позволяют скрывать целые арсеналы, открыл дверцу.

Из машины неторопливо вышел очень высокий худощавый человек аристократической внешности, немолодой, с белой, как снег головой, одетый даже на взгляд Олега несколько консервативно. Оставив машину, ступил на тротуар, не глядя на окружение. Справа и слева четверо крепких мужчин зорко осматриваются, у всех темные очки с непомерно толстыми дужками, можно представить, сколько туда напихано, а также с толстыми стеклами-фильтрами. Аристократ торопливо направился к подъезду, явно стремится не привлекать к себе внимания, но человека такого роста и с таким сильным выразительным лицом не заметить трудно. Тем более многочисленная охрана всегда привлекает внимание.

Человек подошел к двери, прямо взглянул в камеру. Не дожидаясь сигнала, Мрак сказал весело:

– Яфет, заходи! Тебя ни с кем не спутаешь.

А Олег, продолжая разговор, сказал жестко:

– Потому, Мрак, и приходится с ними возиться, что сами мы – человеки! И должны ими оставаться. Хотя бы потому, что все остальные на планете – человеки. А то, если мы не человеки, то зачем они все нам?

Мрак хмыкнул:

– Даже если бы мы стали нечеловеками, все равно не брошишь тех, кого столько тысяч лет тянул сюда, в этот дивный мир?

Олег подумал, помолчал, у Мрака от этого жутковатого молчания пробежала дрожь по телу, сказал медленно:

– Не скажи... Могу и бросить. Зачем мне муравьи, с которыми возился в детстве?

Глава 2

Мрак не успел ничего сказать, дверь в квартиру распахнулась, вошел Яфет, высокий, громадный, с белыми волосами и суровым лицом с глубокими морщинами, но моложавый, похожий на человека, который два-три часа в сутки проводит в спортивном зале. Ярко-синие глаза смотрели с той же пронзающей интенсивностью.

Черные, как смоль брови, густые и кустистые, оттеняют как снежно белые волосы, так и пронзительную синеву глаз, богатого насыщенного цвета, каким бывает небо ближе к вечеру, когда уже спадает жара.

Олег поднялся, они обнялись, Мрак встал, бережно опустив щенка на нагретое задом место. Щенок снова вздохнул горестно, свернулся клубочком и заснул. Яфет повернулся к Мраку, крепко пожал руку. Мрак сделал вид, что Яфет пожал именно крепко, приходится себе напоминать, что надо снижаться до уровня человек.

– Извини, – сказал Яфет с легким раздражением, – опоздал малость. Эти тупые футбольные фанаты устроили безобразную драку прямо на дороге!

Мрак незаметно усмехнулся, Олег далеко не все, что делает, сообщает Семерым Тайным. Многих из них почему-то долгая жизнь не ожесточила, напротив, стали настолько гуманистами, что Олег приходил в бешенство, а Мрака это

весьма веселило.

– Проходи в комнату, – сказал Олег приветливо, – там на столе холодное пиво и холодное шампанское... А если ты уже на здоровом образе жизни, что сейчас так модно, то и напитки всякие разные. Вон Мрак в такую жару пьет, как конь! Ведрами.

Яфет прошел в комнату, посреди в самом деле роскошно накрытый стол, осведомился:

– А что он пьет ведрами? Шампанское?

Олег развел руками:

– У него вкус за все это время не улучшился. Пьет пиво, потом шампанское, потом снова пиво... Дикий человек!

– Дикий, – согласился Яфет. Он опустился в легкое плетеное кресло, окинул равнодушным взглядом сервировку стола.

– Говорят, в квартале «Голубой Птицы» начали кондиционировать воздух и на улице. Как они это делают, не понимаю. Это же чудовищно дорого!

– Уже нет, – ответил Олег. – Есть принципиально новые разработки.

– Хайтекс?

– Нет, уже хаестик.

Яфет снова посмотрел на стол, постепенно вычленяя из пестроты бутылки с прохладительными напитками, гроздья крупного спелого винограда, груды краснобоких яблок, январных груш – Олегу откуда-то стало известно про его ны-

нешнее увлечение идеями вегетарианства и даже сыроедения.

– Не понимаю, – буркнул он, – как у тебя это получается.

– Что? – спросил Олег невинно.

– Я уверен, – огрызнулся Яфет, – что этот стол только что был пуст! И не ври мне, что приготовили к моему приходу. Видно же, что виноград с лозы только что, вон капля сока все еще набухает... Ладно, что случилось, у тебя был такой злой голос!

Мрак хмыкнул:

– У него теперь всегда такой. Что-то разнервничался. Нервы ни к черту. На меня кричат, скоро ногами топтать изволят. Я уже хотел его на грязи, так обиделся, решил почему-то, что это я так свиньей обозвал. Скажи ему, что в грязи не только свиньи, но и будущие князи!

Олег сел за стол напротив Яфета, на горы фруктов даже не взглянул, но те гостеприимно придвинулись к Яфету сами, услужливые, пусть гость не тянется через стол. Глаза Олега оставались очень серьезными.

– Яфет, – сказал он мягко, – мне очень хотелось бы, чтобы ты... словом, чтобы твоя роль в области технического прогресса была позначительнее. Мне показалось, что ты... гм...

– Отстал? – спросил Яфет горько.

Олег сказал еще мягче, глазами вильнул по сторонам, не любит говорить неприятные вещи:

– Не совсем то... Как бы сказать точнее, слишком мно-

го уделяешь внимания уходящим элементам старого мира. А он, даже родившийся лет десять назад, уже старый. В то время как остро не хватает рук...

Он запнулся, подбирая слово, Яфет сказал горько:

– Ты прав, отстал! Еще как отстал. Меня пугает стремительно нарастающая мощь технологий. Я прихожу в ужас от одного слова «нанотехнология». Когда я слышу, как ее адепты осмеливаются обещать, что создадут искусственный разум...

Мрак перебил жизнерадостным голосом дурака, за что Олег не раз обещал его прибить, как бог черепаху:

– Успокойся, Яфет! Искусственный разум создадут намного быстрее! Нанотехнология войдет в жизнь не раньше, чем через два десятка лет, а ИИ, так я по-свойски называю искусственный интеллект, если ты не против... правда, не против?.. вот и хорошо, ИИ будет создан примерно через пять лет. Ты о законе Мура слышал?

Яфет ерзал, Олег хмурился, сейчас не время Яфета пугать, Мрак зашел не с того конца. Закон Мура гласит, что скорость процессоров удваивается каждые восемнадцать месяцев. Но раньше удвоение происходило за два года, теперь происходит за год. Конечно, в следующем году достигнем физического предела кремневой технологии, но закон Мура пережил уйму смен технологических поколений от реле до вакуумных ламп, затем пошли транзисторы, интегральные схемы, а теперь вот двумерная кремниевая вафля, что

тоже не конец, закон Мура точно продержится еще два-три десятка лет, а за это время ИИ не только будет создан, но и создаст другие ИИ, еще более высокие.

– Яфет, – сказал он еще мягче, – прогресс согласного ведет, несогласного тащит. А кто выступает против, тот гибнет под его колесами. Надеюсь, ты не против... тьфу, заговорил, как Мрак, прости...

Яфет сказал быстро:

– Я не против! Но я хочу очеловеченного прогресса! Прогресс – это восхождение ко Мне, так сказал Сартр, я вполне согласен с его формулировкой!

Он потянулся за чашей вина, что возникла как бы сама по себе среди обилия фруктов, цветов. Мрак и Олег незаметно переглянулись. Сартр как-то не заметил технического прогресса, сейчас бы его формула звучала двусмысленно. В значении, до Меня, а дальше кранты, нет прогресса для человека, а есть для зачеловеков.

На пороге комнаты появился толстенький Барсик, зевнул во всю крохотную пасть и, определив, кто из троих огромных богов Мрак, подбежал резво, требовательно вцепился крохотными коготками в штанину. Мрак взял его на колени, а Олег сказал Яфету невесело:

– Я сам поцелую в задницу любого футуролога, который предложит мне правдоподобный сценарий сохранения цивилизации в ее пусть не теперешнем, но все же человеческом виде. Есть такое понятие, как «эгоцентрическая футуроло-

гия», не слышал? Это что-то вроде церкви... нет-нет, я имею в виду самую суть, ведь церковь дает лживенькое утешение, мол, все мы бессмертные, всем нам жить вечно в раю, так вот и «эгоцентрическая футурология» выбирает только сладенькие варианты будущего.

Мрак громыхнул:

– Ты чё так непонятно? Надо быть проще, и люди к тебе потянутся. Так и говори, футурология страуса! Спи, Барсик, спи. А то этот злой рыжий дядя покушает.

Яфет вяло отхлебнул вино, прислушался к ощущениям, сказал одобрительно:

– Прекрасно, напоминает фалернское... Только то чуточку более терпкое.

Он сделал еще глоток, брови приподнялись, бросил острый взгляд на Олега. Олег смотрел честными глазами, а Мрак тихонько хихикнул. Яфет сделал еще глоток, буркнул:

– Сейчас лучше. Но сладковато слишком...

Отхлебнул, посмотрел на Олега, на Мрака, снова перевел взгляд на Олега.

– Знаете, – сказал он желчно, – я слышал про ваши штучки, хоть и не понимаю, как вы ухитряетесь даже сейчас, в век машин... но я попросил бы не плескаться в моей чаше вина!

Олег широко раскрыл глаза, Мрак сказал быстро:

– Извини. Я хотел, как лучше. Это я так гостеприимство выказываю.

Яфет покачал головой.

– И ты тоже?.. Куда мир катится.

– Яфет, – продолжал Олег терпеливо, – нашу культуру... вот эту нашу общую культуру, которую здесь создавали, создавали совсем не люди!.. Да-да, ее творили существа совсем других видов... вообще других зоологических видов! Сперва архантропы, их перебили палеоантропы и продолжили создавать культуру сами. Потом их перебили неолантропы, тех перебили неандертальцы, а неандертальцев – кроманьонцы. Увы, никогда эстафету культуры не передавали, как бы ни хотелось правозащитникам, а вырывали из еще теплых пальцев трупа убитого врага. Я тоже, поверь, хочу, чтобы будущее было всего лишь улучшенной копией настоящего, а потомки чтобы оставались нами, но только прекрасные, мудрые, красивые, счастливые, благородные... нет, даже прекраснее, мудрее, красивее, счастливее, благороднее... ну вот как ты сейчас! Увы, за нами, кроманьонцами, уже виден облик человека нового...

Яфет сказал горько:

– Человека?

– Пусть не человека, – легко уступил Олег. – За человека, скажем так. Ну и что? Впереди более высокая фаза эволюции интеллекта. Давай радоваться этой возможности. Ведь если не радоваться, то остается лить слезы, другого не дано, прогресс не остановить. Мы запустили такой двигатель, что... я даже не знаю. Наверное, должны быть счастливы! К тому же на первых порах люди будут переселяться в электронные те-

ла, так что останутся прежними людьми, хоть и приобретут бессмертие. Разве ты против?

Яфет горько усмехнулся.

– Мне приходилось слышать, что, будь на земле бессмертные, они ни за что бы не допустили, чтобы бессмертие получили остальные. Какая чушь! Все мы страдаем, когда из жизни уходят близкие. Я прожил столько тысяч лет, что и сам уже не помню сколько, мог бы привыкнуть к смерти, но... не привык. Я не хочу, чтобы люди умирали.

Олег сказал мягко, но настойчиво:

– Старики вместо того, чтобы умирать, будут записываться в электронные тела и продолжать жить. А родственные связи с оставшимися будут чувствовать и электронные существа! К тому же такой старичок возликует, обнаружив неограниченные возможности нового тела. Если раньше он учил, скажем, иностранный язык годы, то теперь понадобится секунда, чтобы скачать информацию о других языках и сразу заговорить на любом из них. Если захочет заниматься наукой, то за пару секунд усвоит все-все, что создано человечеством, и вот, пожалуйста, можешь попытаться сделать что-нибудь и сам на этом терновом... или тернистом пути.

Мрак сказал задумчиво:

– Сейчас мы почти все сто процентов сил и времени тратим на поддержание своего существования, а Е-человеку, давайте его так называть, все-таки он человек, хоть и электронный, не нужно ни нашей еды, ни нашего жилья, ни даже сна.

Он может почти все время тратить либо на развитие науки, либо, как вот сделал бы я... на прохождение виртуального лабиринта в «Кольцах Сириуса»!

Он сказал с таким кровожадным напором, что даже грустный Яфет невольно улыбнулся. Похоже, Мраку не везет в этих «Кольцах», а запасть на баймы нетрудно, с каждым годом они все изощреннее, все увлекательнее, аддиктивнее.

– Погоди-погоди, – сказал он наконец, – до меня только сейчас начинает доходить... Вы что же, хотите меня не просто переубедить, но и... что вы хотите?

Мрак промолчал, Олег сказал нехотя:

– Яфет, нам с Мраком придется на некоторое время... надеюсь, ненадолго, отбыть... гм... в другое место. К сожалению, я оттуда не смогу ни во что вмешиваться. А тебе я верю больше всех остальных Тайных, что приходили и уходили, многих я вообще не запомнил, настолько серые и ничемные. А ты, Яфет-богоборец, ты из настоящих. На тебя я оставил бы здесь все-все.

Яфет отшатнулся.

– Ты хочешь меня сделать ответственным за... за это?

Он произнес с таким отвращением, что Мрак загоготал, Олег сказал серьезно, с упреком:

– За это, в смысле, за прогресс?

– А что же еще?

– Прогресс идет и без нас, – ответил Олег все с той же пугающей серьезностью, – ты присмотри с другими Тайны-

ми, чтобы ему не мешали. Слишком много террористических групп, что борются именно против прогресса. В семидесятых годах прошлого столетия, помнишь, был всплеск «алармистов», но мы их тихонько свели к нулю, сейчас же неоалармисты намного сильнее, у них есть оружие, свои боевые группы. Появляются религиозные фанатики, а с ними и серьезные проблемы. У меня уже есть сведения, что отцы враждующих церквей создают тайный союз, чтобы противостоять прогрессу и даже объявить ему священную войну.

Мрак вставил:

– Олег, скажи прямо, что эти лицемеры даже договорились с исламом о совместных действиях.

– Еще не договорились, – ответил Олег.

– Договорились, сам знаешь.

– Соглашение еще не подписано, – уточнил Олег сумрачно, – но Мрак прав, утрясают только формулировки, а так уже готовы к выступлениям. Представляешь, не только враждующие ветви христианской церкви договорились между собой, но даже с исламом, иудаизмом и буддизмом! К сожалению, у всемирных церквей среди несметных богатств немало и ядерного оружия так называемых чемоданных вариантов. Запланированы волнения, локальные войны, крупные террористические акты... Очень крупные, Яфет! Небо с овчинку покажется. У тебя будет занятие именно в твоём духе миротворца: всех примирить, всем раздать по серьгам или по прянику, не позволять разгораться даже малым вой-

нам. А если и допустить какие-то войны, то лишь на окраине цивилизованного мира.

Яфет слушал, слушал, слушал, лицо становилось все серьезнее, наконец обронил тихо:

– А... ты?

Олег отвел взгляд, Мрак крикнул, встал, прошелся по комнате. Яфет следил за ним внимательными серьезными глазами. Олег вздохнул, развел руками.

– Яфет, нам не хотелось бы этого пока говорить... Еще не все выяснено, однако, как я уже сказал, придется отбыть. Надеюсь, ненадолго, но кто знает...

Яфет смотрел с непониманием, затем краска покинула его лицо, а голос стал хриплым:

– Вы меня пугаете. Куда бы ни отбыли, сможете сами контролировать... так в чем дело?

– Оттуда, – ответил Олег, – где окажемся, вряд ли сможем.

А Мрак пояснил мужественным голосом героя, что привык на скаку рубить гигантским топором закованные в железо головы великанов:

– Далековато, Яфет.

Яфет переводил взгляд с одного на другого, синие глаза налились нестерпимым блеском, наконец, сказал совсем тихо:

– Это... не на Земле?

Олег кивнул.

– Да, Яфет.

– Но где? На Луне? На Марсе?.. Хотя я не слышал, чтобы кто-то побывал на Марсе.

Мрак сказал досадливо:

– Олег, да скажи ты ему! Скажи!.. Он не враг, а язык за зубами держать умеет. А скоро уже узнают все.

Олег вздохнул, медленно повертел в пальцах пустую чашу. Яфет мигнул, Олег исчез, а через мгновение появился снова, протянул ему чашу, наполненную по самые края пористой серой землей, похожей на пемзу.

– Это я зачерпнул на Луне, – сказал Олег. – Только что. Мрак, дай-ка твой кубок.

– Щас, – огрызнулся Мрак. – Сотвори, не ленись.

В руке Олега появилась чаша, абсолютная копия той, что вручил Яфету. На миг исчез, снова возник, на этот раз в чаше переливался искорками красноватый песок.

Глаза Яфета расширились, синева стала настолько яркой, что даже равнодушный к таким вещам Олег засмотрелся, почти очарованный. Он поставил вторую чашу рядом с первой. В одной – бурая неопрятная земля, очень сухая, абсолютно мертвая, даже перекаленная в печи не выглядит настолько мертвой, во второй – этот красноватый песок, который буквально кричит одним своим видом, что он не отсюда, не с Земли.

– С Марса, – пояснил Олег буднично. – Могу сейчас облететь все планеты Солнечной системы и принести тебе хоть мелкие камешки, хоть целые горные хребты. Но даже с Плу-

тона я мог бы контролировать неоалармистов, Яфет. Так что, поверь, мы будем далеко. Потому и прошу тебя делать все самому.

Яфет сидел бледный, глаза расширились, взгляд метался от чаши к чаше, испуганно отскакивал от лица Олега, с надеждой обращался к Мраку. Мрак улыбнулся ему, как акула улыбнулась бы жирному тунцу, и сказал совсем ласково, проникновенно:

– Дело в том, Яфет, что мы... уже не люди. Мы то, чем они очень скоро станут. Зачеловеки, мать их... Нет-нет, никакой магии! Ты же знаешь, я магию всегда не любил, да она мне и не давалась. Но это с чашами могу и я.

Яфет прошептал упавшим голосом:

– Такое ни одному магу... В самом деле, песок с Марса?

– Я смог бы и тебя туда, – ответил Олег, – окутать силовым полем или прямо с этой комнатой... но ты не выдержишь ускорения, пришлось бы тащить пару месяцев. А у нас нет и недели.

Яфет смотрел на обоих во все глаза.

– Но вы... люди! Какие вы зачеловеки? А то, что предстоит человечеству... даже Е-люди, они даже внешне будут... не люди!

Олег криво усмехнулся, через мгновение на его месте возник робот, металлический робот, неуклюжий, карикатурный, с цилиндрическим туловищем и шарнирными ногами. Голова – круглый шар с торчащими антеннами, глаза – ва-

куумные лампы прошлых поколений, а вместо рта сеточка динамика, которые были в ходу лет сорок назад.

Робот вылез из-за стола, прошелся по комнате, повернулся к Яфету и сказал с укором металлическим голосом:

– Что тебе тело? Неужели за все века не понял, что цена ему – грош, а ценно только то, что живет в теле?

Не дожидаясь ответа, превратился в шестилапого металлического зверя, сделал круг по комнате, стал длинной сколопендрой с множеством коротких крючковатых лап и металлическим гребнем на спине, затем, подумав, принял облик дивной птицы с широкими цветными крыльями, прокомментировал сухо:

– Кому-то понравится летать... Ну и что?

Яфет вздрогнул, когда моментально, без всякого перехода на месте птицы возник человек, сперва вытянутый, как цапля, затем Олег принял прежний облик атлетически сложенного молодого мужчины, в котором, однако, совсем не замечается атлетизм из-за его очень серьезных глаз дивного зеленого цвета, очень внимательного интеллигентного облика и на редкость ярко-рыжих волос.

Мрак хохотнул, наслаждаясь смятением Яфета.

– Как... – вскрикнул Яфет, – как ты это...?

Олег сказал буднично:

– Можно сказать, что... нанотехнология. Тот же принцип. Манипулируя атомами, перестраиваем структуру своих тел. То же самое, к чему идет технология, чем овладеют все люди

через какие-нибудь полста лет. Самое большое – через сто. Но, как видишь, мы сидим здесь с Мраком и пьем вино, вместо того, чтобы броситься истреблять человечество.

Мрак сказал наставительно, раздуваясь от гордости:

– Яфет, ты переоцениваешь тела и недооцениваешь то, что у нас вот здесь!

Он бухнул себя в грудь пудовым кулаком. Послышался глухой звук, словно тараном ударили в каменную стену замка. Яфет посмотрел с сомнением, тело у Мрака уж очень заметное, а усмотреть то, что там у него внутри, даже предположить, что там что-то есть, всегда казалось ему делом трудным и даже зряшным.

– Вы меня напугали, – проговорил он с нервным смешком, – и... успокоили. Я уж страшился, что все ускорится и ускорится совсем без тормозов. Но если вы опередили, хотя бы на эти сто лет опередили, то... гм... ладно. Ладно, повтори, за что я должен буду отвечать, пока вы отбудете в свои непонятные для меня земли?

Мрак заверил:

– Яфет, по возвращении расскажем все-все. Это я тебе обещаю. А если Олег забудет, а он, конечно же, забудет, я ему напомню. Еще как напомню!

Он показал кулак, большой, с расплоснутыми костяшками суставов, увитый жилами и венами, а потом бережно погладил голову щенка одними кончиками пальцев.

Олег сел за стол, положил локти на столешницу. Яфет по-

прежнему всматривался в него, в его руки, в глаза с напряженным вниманием, словно все еще ждал новых превращений. Олег сделал вид, что не заметил, сказал мягко:

– Яфет, ты начнешь снова строить свою Вавилонскую башню. На этот раз... построишь. Вместе с человечеством.

Глава 3

Прощаясь, Яфет обнял обоих, в синих глазах все та же тревога, всматривается жадно, ищуще, руки горячие, от всего тела жар, словно внутри работает топка. Олег высвободился из объятий, не любил эти церемонии, с неудовольствием всматривался в осунувшееся лицо давнишнего соратника по Семерым Тайным.

– Да, что с тобой?.. Ты всегда стремился к Богу!.. И первую башню начал строить именно ты, и потом именно ты не раз начинал заново!.. Так что же?.. Что случилось?

Яфет вздрогнул, опустил взгляд.

– Даже сам не знаю, – признался он. – Что-то во мне как будто надломилось. Хрястнуло и надломилось.

– Что?

– Не знаю, – повторил Яфет с тоской. – Но сейчас мне вдруг стало страшно. Да тут еще вы с вашими фокусами!

Олег сказал с нажимом и с мольбой одновременно:

– Соберись, Яфет, прошу тебя. Сейчас уже, как никогда, вот прямо рукой подать. Или достать. Наконец-то в самом деле можно выстроить эту башню и достичь небес. Башню технологического прогресса! Вот теперь наши мечты... твои мечты!.. действительно стали возможными.

Мрак протянул в сторону Яфета пустую ладонь, но когда Яфет перевел на нее взгляд, там уже был тяжелый золотой

кубок с темно-красным вином.

– На посошок, – объяснил Мрак. – Отпей, сразу станет легче. И вообще, действуй помягше, без крови, а то наш кроважидный Олег... гм... молчу-молчу.

Яфет с недоверием взял чашу, послушно отпил несколько глотков, от честного Мрака если и будет каверза, то безобидная. Кадык часто дергался, поглощая легкое вино.

– Это меня и пугает, – признал он хриплым голосом. Хотел было отдать чашу, но спохватился и допил остатки. – Раньше не пугало, а теперь пугает! Не догадываешься, почему?

– Нет, – ответил Олег, – если честно.

– Раньше, когда я взялся строить Вавилонскую башню, у меня не было ни ума, ни опыта!.. Вообще ничего не было. Только жажда, страсть, желание... А когда такие поводыри, то какие сомнения? А сейчас у меня есть то, чего не было тогда.

– Ну-ну?

– У меня есть знания, Олег! У меня есть опыт. Уже понимаю, что на самом деле нет того Бога, которого я видел. И никогда такого не было. Просто каждый видит в меру своей, как говорят, испорченности, тупости или развитости, что одно и то же. А каков он на самом деле? Что узрим, когда, в конце концов, придем? А ведь придем, теперь я со страхом и содроганием понимаю, что придем, придем...

– Когда придем, – ответил Олег, чутьчку подражая Мра-

ку, – тогда и увидим. Я помню, что он создал нас по облику и подобию. Но я под обликом понимаю вовсе не тело.

Он закрыл за Яфетом дверь, выглянул в окно. Крепкие молодые ребята садятся в машины сопровождения, а кадиллак сорвался с места и подъехал к подъезду. Первым вышел телохранитель, огляделся, затем второй здоровяк вывел Яфета. Олег усмехнулся, Яфет стал намного осторожнее, научился ценить жизнь.

За его спиной Мрак сказал с укором:

– Зачем наврал?

– А что оставалось? – огрызнулся Олег. – Даже Яфет может не выдержать всей правды. Он слишком... слишком человечен! А под это слово, под термин «человечность», демагоги давно уже подвели такую дрянь, что всех бы прибил, перевешал на крепостных стенах...

– Поясни, – попросил Мрак.

Олег, продолжая смотреть в окно, буркнул недобро:

– А то не знаешь!

– Не знаю, – ответил Мрак кротко.

Машина с Яфетом понеслась по улице. Впереди мчалась машина с охранниками, а за лимузином Яфета еще одна, так называемая машина прикрытия. Олег со вздохом отвернулся от окна.

– Демагоги и зеленые, – проговорил он почти с отвращением, – оперируя лозунгами типа «Технология делает нас бесчеловечными!», ловко подменяют «человеческий» на

«человечный». «Человеческий» всего лишь значит, что данное принадлежит человеку или человечеству, что у него какие-то признаки, свойственные существам человеческой расы. Мы с тобой уже убедились... или не убедились?.. что многие человеческие свойства неудобны, даже вредны, в то время как другие неплохо бы расширить, ну, к примеру, побольше сострадания... хотя и не понимаю, зачем оно, но так говорят. Демагоги декларируют ценность быть просто человеком, а это то же самое, что быть деревом, камнем, птицей. Настоящая же ценность в том, что живет внутри человека, живет в его человеческом теле! А с этой позиции все равно, какое оно, тело.

– А-а-а, – протянул Мрак и широко зевнул, – ну, это каждый ребенок знает. Я живу в этом теле, да... А там уж неважно, человеческом или нечеловеческом. Но Яфета ты обманул, обманул... Это мы двое постоянно ограничиваем свои поползновения, потому что мы – первые. Ограничиваем до смешного, Олег! Ходим со связанными руками-ногами, да еще и уши себе заткнули, повязки на глаза одели. А я уж так привык пользоваться еще и радиолокацией, инфракрасными, ультрафиолетовыми, рентгеновскими и гамма-лучами, ультра- и инфразвуками, звуколокацией и всем-всем, что для нас так просто, так естественно... ну что так смотришь? Я в самом деле привык!

Олег не сводил с него взгляда.

– Так быстро?

– А что? – огрызнулся Мрак. – К хорошему привыкнуть легко, отвыкнуть трудно. Как и ты, получаю любую информацию прямо из всех сетей, принимаю передачи радио, телевидения, слышу все переговоры по мобильникам, но должен делать вид, что я такой же слепоглухонемой паралитик с жутким склерозом, как и все остальное население двуногих?

Олег не нашелся, что ответить, виновато развел руками.

– Потерпи, Мрак. Уже немного. Они скоро нас догонят.

Он прошелся по комнате, заложив руки за спину, горбился, красные волосы поблескивали в солнечном луче, но зеленые глаза оставались в глубокой тени. Мрак понаблюдал за ним, огрызнулся.

– Ага, щас! Совсем скоро.

– Что тебе эта сотня лет? Они могут догнать даже раньше.

Мрак сказал зло:

– Сотня?.. А сто миллионов лет не хочешь? Я что, могу замедлить свое мышление, восприятие?.. Ну, конечно, могу, это я так, к слову, но до чего же в лом прикидываться слепоглухонемым калекой, чтобы не шибко отличаться от остальных! Я не слепоглухонемой с замедленной до точки замерзания реакцией, не слепоглухо и все такое!.. Вот сейчас, пока говорю с тобой, принимаю по Интернету восемьсот сообщений, смотрю семь новых фильмов, участвую в сорока дискуссиях... знал бы, на какие темы!.. и все равно скучно, невыразимо скучно, потому что даже в скоростном, по понятиям людей, чате для меня между вопросом и ответом проходят

многие годы!

Он ушел на кухню, позвенел посудой, вернулся с мисочкой и поставил на пол. Щенок завертелся на кресле, не решаясь прыгнуть, завизжал обиженно. Олег буркнул:

– Сними. А то лапы вывихнет. Они у щенков слабенькие.

– Пусть укрепляет, – возразил Мрак, но щенка снял, тот ринулся к мисочке так резво, что упал по дороге, подбежал и начал лопать с таким азартом, что вскоре влез в посудину передними лапками. – Ишь, жреть...

Олег сел за стол, уронил голову на руки, помолчал. Когда поднял голову, на Мрака взглянули полные страдания глаза.

– Мрак... Ну что ты мне жалуешься? Будто у меня по-другому! Но я же сдерживаюсь? Я же несу этот груз? Давай-ка лучше сократи... урежь свои возможности. До скудных человеческих. Так надо. Временно. Пока нас только двое, нельзя нам... Я так боюсь, что оторвемся настолько... настолько обесчеловечимся, что нам, в самом деле, станут на фиг нужны эти жалкие людишки... они для нас уже сейчас меньше, если по уму, чем муравьи! Но ведь эти муравьи и создали всю эту сложнейшую цивилизацию, что вывела нас на такую вершину! Мы должны им отплатить той же монетой. Так что давай пока потерпим, побудем человеками, простыми человеками.

Мрак отмахнулся.

– То ты! Ты всегда был подвижником, жил для людей. А я... я не знаю, просто жил. Но, наверное, и такой, как я, за-

чем-то оказался нужен. Наверное, чтобы сдерживать таких умников, как ты. Ладно, Олег, давай побыстрее отбываем в те дали, где можно жить нашей жизнью, а не этих...

– Питекантропов? – договорил Олег.

Мрак неожиданно усмехнулся, обошел стол и сел напротив. Их взгляды встретились, в карих глазах друга Олег видел глубокое сочувствие и симпатию.

– Не смягчай, – ответил Мрак, но голос у самого звучал мягко, примирительно, – не смягчай. Сам же сказал, для нас люди даже не мартышки, а так... что-то вроде муравьев. Нет, даже того меньше, муравьи – умные. Мне уже скучно с этими... извини, людишками, которые мыслят в миллиард раз медленнее, да и то хреново, засыпают на ходу... а зачем вообще-то сон?.. А их способы размножения, гм... Я вот прямо щас могу наплодить хоть сто тысяч мракков, это и будут мои дети, сперва мои абсолютные копии, а потом каждый пойдет своим путем, начнут появляться различия, выкристаллизовываться индивидуальности, а я буду смотреть с гордостью и приговаривать: далеко пошли мои детки, умные какие. Все в папу!..

Олег смотрел исподлобья, не понимая, шутит Мрак или говорит серьезно, все-таки все сказанное верно, они могли бы заполнить Землю своими копиями, а те ринулись бы заселять и переделывать планеты, а затем звездное пространство, галактики, Вселенную.

Он вздохнул.

– Мрак, не ерничай. Думаешь, я вот так по прихоти тебя сдерживаю и сдерживаю себя? Да я бы... я... эх! Я вижу возможностей куда больше, намного больше, чем зришь ты, волчара. Но... мы поставлены следить за прогрессом всего нашего человеческого племени. Так уж получилось, что нас избрали. Так что давай-ка, послужим ему, хотя, понимаю, сейчас этим червякам служить просто противно. Хотя и помнишь, что совсем недавно сами были такими, но... сейчас мы уже не те дикари в волчовках, верно? А они еще в дерьме, от них плохо пахнет, но они же этого еще не знают? Как в великолепную, как тогда считали, эпоху Возрождения по светским дамам стадами ползали вши, но тогда на это никто не обращал внимания? И те красавицы годами не мылись?.. Потому давай здесь, на Земле, быть просто людьми. И никому не показывать, что можем чуточку больше. Думаешь, почему я все больше наваливаю на Яфета? Вот-вот. А он как-то договорится с остальными Тайными, его уважают больше, чем меня.

Мрак зло хохотнул.

– Какой ты сдержанный в словах, когда о себе! Да тебя не просто не уважают, тебя всегда ненавидели и боялись. Ты забегал чересчур далеко, а вот Яфет опережал остальных только на шаг, он понятен, его слушают охотно... Ладно, давай о главном. Что такого случилось? И куда отбываем?

Олег встал, вздохнул, снова сел, зеленые глаза на миг вспыхнули, как изумруды, на которые попал луч солнца, но

это был внутренний свет, что тут же погас. Лицо Олега стало усталым, сумрачным.

– Мрак, Мрак!.. Я знаю, как одним прыжком оказаться по ту сторону звезды Канопуса, я могу одним ударом разнести Марс и даже взорвать Солнце... но я не знаю, как погасить иррациональную агрессивность человека! Если знаешь – скажи! Не знаешь – помалкивай. А то слышать от тебя это жалкое, что ты брякнул Яфету, насчет помягше, без крови – просто стыдно. Как будто я сам не хочу без крови! Но человек – это такое, такое...

Он поперхнулся, лицо пошло красными пятнами, умолк. Мрак досказал с кривой усмешкой:

– Если два мужика, то обязательно должны подраться?

– Как два мужика, – согласился Олег, – как волки в стае, что обязательно дерутся, проверяя изменившуюся иерархию, как дерутся олени, жуки, муравьи! Видимо, это у нас в крови. Или даже глубже. Но, как и муравьи после большой драки расходятся по норам и подсчитывают потери, так и люди вот сейчас надолго затихнут, не до больших конфликтов будет... а нам это позволит добраться до Таргитая.

Мрак вспыхнул, даже не заметил нечаянную оговорку насчет людей, что затихнут после большого конфликта, от него пошло сильное магнитное излучение.

– К Тарху?.. Пора бы! Или что-то случилось?

Олег нехотя кивнул.

– Да.

– С ним?

– Мрак, бери больше. Извини, пока не могу сказать.

Мрак нахмурился.

– Ты со мной, как с Яфетом?

– Нет, Мрак, прости... Я сам не разобрался, потому что.

Ты ведь не доверяешь моим видениям, откровениям и прочей лабуде? Вот-вот, я им тоже не доверяю. Я человек фактов, я верю тому, что можно повторить, проверить.

Мрак отмахнулся.

– Ладно, я все понял. Стал бы ты мне врать, как же! Это значило бы самому мешок нести. Ладно, мне пора Барсика на прогулку. Пора приучать его какать на улице, как думаешь?

Олег поморщился, Мрак злорадно следил за борьбой чувств: и выходить не хочется, и только что продекларировал, что «будем, как все», а это значит, что нельзя убирать щенячьи какашки и лужицы движением бровей.

– Я с тобой, – решил он. – А то натворишь чего-нибудь снова.

Барсик старательно пожирал кашу с молоком, чавкал, сопел, Мрак наблюдал с умильной улыбкой сердобольной мамы, Олег поморщился, огляделся. Солнечный луч упал на середину стола, отборные гроздья золотистого винограда заблистали, заискрились, сквозь тончайшую кожуру проступили крохотные зернышки, плавающие в прохладном сладком соке. На середине стола культяпками кверху жареный гусь,

так никто и не притронулся, искорки перебегают по коричневой корочке, коснись – захрустит под пальцами.

– Эх, – сказал он с горечью, – когда же это кончится?

Он перешел в узкий луч нейтрино, метнулся к потолку, Мрак успел засмеяться рудиментарной привычке: можно и в противоположную сторону, для потока нейтрино все равно, что пронзать: атмосферу или всю планету.

Вторым прыжком догнал Олега, тот прошел совсем рядом с Нептуном, только их сверхскоростное восприятие позволило заметить промелькнувшую планету, а еще через пару секунд обоих охватила со всех сторон бархатная чернота глубокого космоса, гравитация ничтожная, можно пренебречь, странно торжественное и пугающее чувство медленно наполняло душу.

Олег оформился в огромного великана с пылающим ртом и огненными глазами, завис, словно парашютист в затяжном прыжке. Мрак с удовольствием принял облик волка, не простого, конечно, того бы разорвало в клочья, а из перестроенного металла, блестящего и вздрагивающего в тех местах, где под шкурой должны вздуться мускулы. Все какая-то связь с далеким прошлым, от которого чем дальше, чем оно чище и благороднее.

Олег сказал с горечью:

– Я готовился к этой жути!.. Мрак, я серьезно готовился. Очень. Не было психологического теста, который бы я не прошел, да и вообще... Я был готов гораздо больше, чем

все космонавты, вместе взятые... Я был готов, как может быть готов только полный дебил на железнодорожных рельсах, который смотрит на летящий ему навстречу поезд и глупо усмехается. Но я все равно трушу... Да что там трушу!.. Если бы просто трусил! А то моя душа замирает, сворачивается в комок, забивается под раковину и там трясется.

– Так это еще немного, – ответил Мрак серьезно.

Олег быстро взглянул ему в лицо. Мрак перестал дурачиться, из волка стал человеком, не для простой прогулки они здесь, смотрит строго и серьезно, лицо исхудало, тоже держится из последних сил, нелегко даются последние годы борьбы перехода человека в стаз зачеловека.

– Мы смотрим на галактики, – проговорил Олег с болью. – Но миллионы и миллионы туманностей так и не родили звезд! Проживут свои десятки миллиардов лет, как облака космического газа, а потом рассеются и они, эти облака, когда придет тепловая смерть Вселенной. На миллион туманностей только одна ухитрится из-за стечения каких-то уникальных условий закрутиться в галактику и создать звезды!.. Из миллиарда звезд только на одной возникают условия, чтобы проклюнулась хоть какая-то жизнь... пусть хотя бы амебы...

Он вздрогнул от резкого окрика:

– А что это у тебя сапоги не почищены?

Олег посмотрел на призрачные ноги, что и не ноги вовсе, переспросил непонимающе:

– Какие сапоги?.. Мрак, не говори загадками.

– Туманности, говоришь?.. – переспросил Мрак. Подрагивающее на космическом ветре лицо стало злым, кожа на скулах натянулась. – Значитца, пока долетим до ближайшей галактики, нам придется пересечь уйму этих туманностей?.. Олег, так это же здорово!.. Я ж не такой экономный, как ты. У меня нейтрид тает, как воск на солнце. Мне бы только добраться до ближайшей, я ее сам всю сожру.

Олег бледно улыбнулся.

– В туманности вещества на пять галактик. Просто остальное рассеивается, пока она образовывается... Не лопни!

– Не лопну, – заверил Мрак. – А и лопну... Это же самая приятная смерть – от обжорства! Ладно, ты не тяни, не увиливай, я же вижу. Я не Яфет, со мной не хитри. Говори, что случилось?

Олег некоторое время висел молча, Мраку даже почувдилось, что волхв попытается отвертеться, сослаться, что неудачно пошутил, но Олег проговорил упавшим голосом:

– Я слышал глас...

– Таргитая? – обрадовался Мрак.

– Нет.

– А кого?..

Он осекся, Олег посмотрел ему в глаза, криво усмехнулся, отвел взгляд. Мраку стало не по себе, помолчал, Олег после паузы сказал колеблющимся голосом:

– Не знаю, Мрак. Даже не решаюсь выговорить это вслух.

После еще более долгой паузы Мрак ответил гробовым голосом:

– Ага, понятно... Нет, ни хрена не понятно, но... ладно. И что ты услышал?

– Мрак, много собака понимает, когда с нею говорит человек? А если не взрослая собака, а щенок? А если цыпленок? Или вовсе муравей?.. Все, что я понял, это нужно куда-то отправиться. Да и то... не уверен.

– Зачем?

Олег огрызнулся:

– А я бы сразу не сказал? Не знаю. Не понял. Не дано еще понять. Но у тебя, как всегда, есть свобода выбора: идти или не идти.

– У нас, – напомнил Мрак. – Ты даже Яфету брякнул, что мы топаем вместе. Забыл?

– Нет, но даю шанс отбояриться. Все-таки идти туда, не зная куда... да и зачем? И как истолковать этот глас? Один, помню, услышал и повел горстку поверивших из Египта, другой – на завоевание Британии, третий, напротив, оставил громадное царство и многочисленный народ, ушел в леса. И после этого буду клясться, что именно я понял глас верно?

Мрак сказал твердо:

– Это для тебя нужно обоснование! Да еще с тремя печатями и подписью... ну, ты понял, чьей подписью. А мне не надо. Я и так всегда готов на любую дурь. А готовность на любую дурь – это двигатель прогресса.

Олег буркнул:

– Тогда возвращаемся. Надо успеть переделать чертову уйму работы.

– На планете Земля, – добавил Мрак чересчур серьезным тоном.

Глава 4

Мрак нарочито изогнул путь и пролетел насквозь Юпитер, ту самую страшную планету, в недрах которой совсем недавно едва не погибли, а сейчас стыдно вспомнить, ну чего боялся этого мыльного пузыря...

Олег прошел мимо, планеты уже не интересуют, это для людей, даже ближайšie звезды скоро станут строительными площадками для зачеловеков.

– Мрак, я все время живу в страхе, – признался он. – Я уже говорил, что могу щелчком вдрызг планету, без науги взорвать Солнце... а то и загасить, что труднее, но я чувствую свою беспомощность куда острее, чем чувствовал... когда-либо! Мир был огромен, неподвижен, вечен. Мою жизнь мог оборвать любой человек с оружием, могла оборвать змея из расщелины, скорпион или упавший с горы камень. Однако я при всей своей трусости чувствовал себя намного лучше и увереннее!.. А сейчас сжимаюсь в комок от никчемности, ничтожности, беспомощности. Вот несемся с жуткой скоростью, но все равно в любую сторону от нас – бесконечность. Хоть во времени, хоть в пространстве, хоть в размерах. А незыблемый раньше мир, оказывается, на самом деле с бешеной скоростью крутится вокруг оси, вертится вокруг Солнца, крутится вместе с Солнцем, несется по спирали через звездное скопление, вместе со звездным скоплением.

ем вертится и несется наискось через галактику, а вместе с галактикой прет с немыслимой скоростью от центра на периферию... Мы, оказывается, на бешено кувыркающемся табу-рете, и мне страшно при виде тех расстояний, что я вижу до ближайшей звезды, не говоря уже до дальних...

Мрак подумал, кивнул. Вид у него был сочувствующий, но несколько не обескураженный.

– Может быть, – сказал он, – для того так и спешим поскорее встщить все человечество до своей мощи?.. Чтоб не так страшно в толпе?

– Глупости, – огрызнулся Олег.

– Ты что-то стал раздражительным, – заметил Мрак. –

Вот-вот укусишь.

– Я не стал раздражительным!

– Стал.

– Это ты стал придирчивым.

Мрак усмехнулся, не ответил. Впереди заблестела серебром родная планета, выросла, они пролетели над южной частью, покрытой вечным льдом, Мрак засмотрелся на сверкающие под солнцем ледяные торосы, широким жестом предложил и Олегу полюбоваться, но тот лишь посмотрел брезгливо на скрытый подо льдом континент, богатый ценными металлами, но все еще недоступный вечно дерущемуся человечеству.

На полнеба блистает полярное сияние, сверкающие струи двигаются, превращаются в складки лилового бархата, заво-

рачиваются световоротами, снова раздвигаются, подобно исполинскому небесному занавесу. Крохотное солнце спряталось за сверкающим великолепием, смотрит тускло, похожее на сильно уменьшенный лунный диск.

А от полярного сияния идет осязаемое бодрящее покалывание кожи, и чем ярче вспыхивают вертикальные полосы, чем сильнее стучит сердце, а плечи сами раздвигаются шире, а нижняя челюсть выдвигается, как поддон автопогрузчика. Мрак увидел свое отражение в далекой глади замерзшего ледника: прямо по воздуху ветром несет здоровенного черноволосого мужика в легкой рубашке и льняных брюках, сандалии на босую ногу, вид дурацкий, позорит суровую красоту, как если бы в разгар торжественной симфонии явился пьяный панк и начал брэнчать на балалайке.

Он засмеялся с неловкостью, перетек в луч, в следующее мгновение очутился в комнате, где гусь на столе все так же культяшками кверху, словно собирается подхватить и удержать падающий потолок.

Барсик все с тем же аппетитом лопает, чавкает, сопит, для него прошло времени всего между двумя чавками, даже не повел глазом, что могучий родитель исчезал справа, а появился слева, мужчины на такие мелочи внимания не обращают, старательно уничтожал кашу.

Олег хмыкнул и шагнул в соседнюю комнату, ее и еще одну занимает суперкомпьютер «Блю Джин-3», названный в честь «Блю Джина», который так славно потрудился над

моделированием молекул, что позволило, помимо создания ряда уникальных лекарств, еще и полностью разобраться с проблемой стволовых клеток, теперь их вживление стало доступно в любой продвинутой клинике. Правда, официально такой компьютер существует только в Пентагоне, но Олегу надоело заниматься рутинными вычислениями, проще спихнуть на машину, ненадолго проник в сверхзасекреченную лабораторию, скопировал этот «Блю Джин-3» до последнего атома, а потом здесь воссоздал с той же точностью.

У «Блю Джина-3» мощность триллион терафлопс, он следит за всеми переговорами в Интернете, по сотовой связи, для него не существует зашифрованных или закодированных, просматривает все емэйлы, одновременно наблюдает за всеми видеоконференциями, чатами, форумами и гостевыми книгами, сличает миллионы записей, вылавливая как изменивших внешность террористов, так и всевозможные заговоры, подготовки к покушениям, террористическим актам, и многое-многое другое.

За спиной раздался философский голос Мрака, иногда оборотень начинал умничать, словно вздумал тоже записаться в искатели истины, за что Олег бывал готов прибить его на месте:

– Вообще-то мечта Яфета исполняется. Народ был единым, и все строили Вавилонскую башню, да только Бог смешал все языки, и народы разбрелись, перестав понимать друг друга. А теперь вот снова все объединяются...

Он запнулся, подошел ближе, Олег неотрывно смотрел на ровные ряды хранилища информации, буркнул, не оборачиваясь:

– Договаривай. Глобализация есть вежливый эвфемизм американизации. Так?

– Так, черт бы побрал.

Олег спросил равнодушно:

– И что тебя, такого толстокожего, смущает?

Мрак сдвинул глыбами плеч.

– Что всемирную империю создают американцы. Как раз те, кто и так у всех в печенках.

Олег повернулся к нему, лицо слегка брюзгливое, словно аристократ объясняет конюху устройство глобуса, спросил с ехидцей:

– А если бы немцы или французы? Да пусть хоть ирландцы или русские старообрядцы! Всякий, кто прет в лидеры, получает справа и слева. Да не пряники, а плюхи. Увесистые! От лидера требуют быть безукоризненным, а это, увы, недосяжимо. Правда, вот я почти такой, но я, сам понимаешь, счастливое исключение. Да и какая разница, как они называются: ассирийцы, хетты, готы, франки, славяне, американцы?.. Для нас, во всяком случае. Мы-то знаем, что через два-три десятка лет на планете не останется ни единого американца, как не останется русских, немцев, англичан, французов... Ну, возможно, дольше пробудут курды да евреи, но и тем, в конце концов, придется войти в стаз зачеловеков,

в котором так же смешно говорить о национальностях, как взрослым людям всерьез о ползунках, в которые когда-то какали.

– Ты забыл о китайцах, – напомнил Мрак.

Олег нахмурился, кивнул.

– Да, но о них вообще отдельный разговор. Китайцы – это отдельное человечество. Не стал бы помогать Томасу Мальтону нести Святой Грааль в Англию, сама чаша меня не заинтересовала – мы знаем, как она делалась, – как и Англия, которую я знал и как Землю Больших Зверей, и Острова Тумана, и Оловянные Острова, не говоря уже как земли бесчисленных народов, волнами сменявших друг друга: данов, гекнов, пиктов, кельтов, бриттов, англоv, норманнов, уже сменивших свой язык на франкский, даже на французский... Но я долго всматривался в будущее...

– Это всегда было твоим любимым занятием, – прервал Мрак. – Вуайерист!

– Теперь это называют футурологией, – поправил Олег без улыбки, – тогда называли просто видениями, откровениями... Так вот я ощутил, что от Томаса Мальтона может протянуться ниточка за океан, где сформируется свое племя, свой народ со своими наивными идеалами, своей великой мечтой. И что там соберется лучшее от разных народов. Чашу донести я помог, но уже не вмешивался в жизнь нового народа, Мрак! Я смотрел со стороны, и тоже, как и все, то любил этот простой и даже очень простой народ, оторванный

от всех корней, то ненавидел, иногда жалел, иногда сочувствовал, но не вмешивался. Но вот сейчас, когда он на вершине могущества, именно сейчас, как ни странно, он наиболее уязвим и нуждается в поддержке!

Мрак задумался.

– Потому что весь мир против?

– Весь мир против – понятно, сильных все не любят и боятся. Хуже то, что и внутри самой Америки слишком быстро растут сомнения в правоте курса своей страны. А это страшнее, чем когда весь мир против. Потому и надо сейчас этой стране помочь.

Мрак поднял голову, в карих глазах блеснул насмешливый огонек.

– Страна – это кто? Кто прет вперед или кто сомневается? Среди сомневающихся умных людей больше!

– Больше, – согласился Олег с горечью. – В то время как среди прущих вперед, полно идиотов и тупого простонародья, вообще не желающего думать. Но, увы, правда, на их стороне, хоть и не та правда, за которую воюют. Вернее, правда на стороне тех немногих интеллектуалов, желающих привести Америку к глобализации.

Мрак смотрел на Олега, прищурившись. Насмешливый огонек не гас, разгорался сильнее.

– Зная тебя, я готов поспорить, что Америка, узнав, в чем твоя помощь, поспешила бы отказаться. Верно?

Олег огрызнулся:

– Опять же, какая Америка!

– А большинство, – хладнокровно сказал Мрак.

– А на большинство плевать, – отрезал Олег. – Вернее, плевать не на само большинство, а на его мнение. Большинство должно работать, а не принимать решения по государственным вопросам. Тем более, планетарным!

Мрак хмыкнул, ушел в комнату с диваном и завалился, не снимая обуви, закинул ноги на валик. Странно вообще-то здесь: компьютер ультрасовременный, а сама квартира как будто из двадцатого века: ни тебе услужливой автоматике, что докладывает об изменении телепрограмм, курсе доллара, погоде на завтра, включает и выключает за тобой свет, ни тебе кондишена, когда струи прохладного воздуха дуют не впустую, а всегда строго на тебя, в какую бы сторону ни шел и как бы быстро ни передвигался. Так же и объемный звук в современной квартире послушно следует за хозяином, вообще любое жилье теперь – большой компьютер, с живущим внутри человеком, но в этой квартире нет даже изощренной системы защиты от воров и сигнализации, чем любой жилец обзаводится в первую очередь.

Он сотворил себе упаковку холодного пива, нимало не беспокоясь, что сразу похолодало, кому не страшен открытый космос с минус двести семьдесят, тот как-то стерпит двадцать четыре и девять вместо двадцати пяти по Цельсию.

– Полагаешь, – спросил он, обращаясь к стене, – захват Штатами мирового господства будет уже при этом гребаном

Мудонге? Ну и президента выбрали!

Из-за стены донесся сумрачный голос:

– Мрак, человечество всегда жаждало глобализации. Сколько мы помним, человек стремился к объединению в государство, с тем чтобы расширяться для мирового господства. Вся история заполнена яркими рассказами о зарождении, расцвете и гибели «мировых» империй. И хотя все они были несколько, скажем, жестковаты...

Мрак хохотнул:

– Да ну? Это Аттила жестковат? Или Чингисхан?

– Ирония неуместна, – послышался голос, уже несколько раздраженный. – Да, Наполеон истребил больше народу, чем римские императоры, но он, как и Чингисхан, к примеру, сейчас герой и великий полководец, как, думаешь, почему? Про Аттилу снимают фильмы, где он – герой и красавец, а Гитлер через полвека после своей гибели, вспомни, по результатам широкого электронного голосования вышел на первое место в опросе журнала «Таймс» на тему «человек тысячелетия»! Конечно, демократия там только для виду, тут же результаты похерили и волевым решением определенных групп человеком тысячелетия официально провозгласили Эйнштейна... помнишь?

– Слышал, – ответил Мрак, подумал, что со стеной разговаривать как-то не то, нарисовал на обоях карикатурный образ Олега, в балахоне, с длинным суковатым посохом в костлявой длани пророка, развевающимися нечесаными волоса-

ми и безумными глазами. – И что же, люди такие бараны?

– Нет, – ответил карикатурный персонаж, – просто каждый инстинктивно чувствует, что глобализация – благо. Потому и сами стремятся создавать империи, и оправдывают тех, кто их создает. Пусть даже железом и большой кровью – все равно оправдывают, обеляют, считают героями и подвижниками. Даже если такая глобализация проводится с мировыми войнами, как получилось у Гитлера. Сейчас американский президент прольет крови больше, чем фюрер, надеюсь на это, но у него есть то, чего не было у прошлых правителей: радио, телевидение, Интернет, обеспечивающие быструю и надежную связь между Центром и местной властью. Это дает ему шанс не только завоевать весь мир, но и объединить, создать единое мировое правительство!

Мрак осушил с десятков банок пива, подумал, создал еще, но пошло хуже, поэкспериментировал, пробуя менять ингредиенты, температуру, возразил:

– Ни фига ему не дадут. Ни другие страны, ни свои же... пингвинисты.

– Это кто?

– А те, кто требует, чтобы бросили все и кинулись в Африку пингвинов защищать. Правозащитники, словом.

В стене появилось лицо Олега, выглядит, как барельеф, никаких зазоров или щелочек, полное слияние со стеной, затем проступила половина его фигуры, вошел медленно и задумчиво, даже не обратив внимания, что прошел сквозь бе-

тонные плиты, в глазах отрешенное выражение, явно думает над чем-то еще, а Мраку сказал отстраненно:

– Да, могут помешать. Потому и надо сейчас помочь создать эту последнюю империю... что будет уже не империей, так как охватит всю планету. Сам понимаешь, если отдельным группам это сильно прищемит хвосты, то для человечества – огромное благо.

Мрак поспешно убрал со стены карикатуру, пока Олег не оглянулся, взглянул на стакан с недопитым пивом, вздохнул, атомная решетка послушно перестроилась, пиво, как и сам стакан исчезли, оставив вместо себя новую порцию кислорода с примесью инертных газов.

– Ладно, – буркнул он, – против прогресса переть глупо. Особенно, если его подpiraешь ты, свинья. Но пиво ты мне испортил.

Он поднялся с дивана, сел у окна и вперил взгляд на улицу, но ничего рассмотреть не успел, из кухни со счастливым визгом выметнулся оранжевый комок, на пороге запнулся, упал, перекувыркнувшись через голову. Мрак засмеялся, подхватил щенка на руки, преданнейшее существо, пока ело там из мисочки, было разлучено с хозяином, а это ж какая долгая разлука. Это же какое испытание для крохотного сердечка быть разлученным с могучими богами, ибо для собаки все мы – боги, бессмертные боги.

– И я тебя люблю, – сказал он, уворачиваясь от розового языка.

Олег осматривался, тщательно контролируя себя после рабочего состояния, когда в пикосекунду успевал просматривать массивы данных, отобранных для него «Блю Джинном-3», а потом еще в наносекунду успеть скользнуть по гиперссылкам и проверить-перепроверить некоторые подозрения, утвердиться в принятых решениях, наметить следующие шаги.

Щенок явно намеревался свернуться у Мрака на руках и заснуть в покое и безопасности, поручив себя богу в лице этого всемогущего двуногого. Олег обвел взглядом комнату. Для щенка она полна удивительных вещей, но скоро все станет привычным, для всего найдет свои объяснения, перестанет реагировать на внезапно вспыхивающий свет, заговоривший ящик, где на экране начинают мелькать световые пятна, привыкнет заходить в лифт, а потом оказываться на улице, которую видел с балкона ужасно далеко внизу.

Не объясняем ли мы многое, снова мелькнула мысль, происходящее вокруг нас, так же просто, как объясняет щенок, который никогда не поймет действия кофеварки, электрической плиты, водопровода и канализации?

- Ну ты че? – донесся голос Мрака. – Ушел в nirvanу?
- Мыслю, – огрызнулся Олег.
- Верхним утолщением?
- А ты – нижним?

Мрак хмыкнул, в его руке снова граненый стакан, уже размером с кувшин из хрусталя, куда ставят цветы, Олег отвер-

нулся, но в мозгу все еще пугливо трепещет застрявшая в паутине логики испуганная мысль, что насчет этого нижнего мозга Мрак прав, сам не понимает, насколько прав. Таргитай – дурак, он вообще не мыслил, он бездумно шел с ними двумя, разговаривал и пел, воспринимал весь мир, каким он есть... и воспринял, наконец, ощутил его, а значит – ощутил и Творца.

Мрак громко чавкнул, словно не пил, а жрал, хохотнул своим мыслям, сказал весело:

– А ты помнишь, тот мужик тогда говорил: придите ко мне, дураки и все тупые, вы лучше поймете Господа, чем всякие умники, и при этих словах он на тебя так зло посматривал...

Олег отмахнулся.

– Да мы еще раньше с ним поспорили, едва не до драки. Он все твердил, что-то вроде «Умом Россию не понять», только вместо России, которой еще не было, говорил о Боге. Меня раздражало, что Бога называл своим батей, но теперь вижу, что так и было...

– Что-о?

– Мы все его дети, – огрызнулся Олег. – Что удивительно, что и тот чудак тоже им был... Умом Бога, в самом деле, не понять, мы от него дальше, чем этот щенок от нас... Но чувствами, чувствами... гм... тоже не понять, зато приблизиться можно. Вон щенок меня любит, я его за это на руки беру.

– Даже за пазуху, – сказал Мрак намекаяще.

– И за пазуху тоже, – согласился Олег, не поняв аллегории. – А за то, что мои тапочки не грызет, чешу и глажу, не наказываю. Позволяю заходить в другую комнату...

– ...вселенную.

– Пусть и так. Ладно, я на завтра заготовил целый пакет. Работы выше крыши, не обрадуешься.

Мрак, держа щенка на груди одной рукой, другой снял со спинки стула крохотный ошейник, нацепил.

– Пойдем-пойдем! Знаю ж, что кормить надо только после прогулки, но не могу, когда на меня такими голодными глазами...

Не спуская щенка с рук, так надежнее, а то не утерпит и положит кучку в лифте, вышли из прихожей на лестничную площадку, Олег запер дверь с самым серьезным видом, таков ритуал, чтобы, значит, не потерять человеческий облик, не отрываться от человеков, жить их заботами и нуждами. Мрака это забавляло, он и так не отрывается, а когда говорит насчет отрывания от человечества – больше пугает Олега, чтобы тот возражал, но для Олега, похоже, в самом деле важно: временами вообще готов истребить всех нафиг, а планету заселить своими да его, Мрака, копиями.

Он на миг всерьез задумался, как это было бы, если в самом деле вот так размножаться: копировать себя и отпускать в свободное плавание. Скорее всего, в будущем так и будет: быстро, рационально, не надо двадцать лет на выращивание, обучение, воспитание, прививание необходимых моральных

и этических установок...

Плечи сами по себе передернулись, стало жутковато, но посмотрел на чеканный профиль Олега, смотрит прямо и строго, такие в Средние века жгли ведьм и запрещали содомистские оргии в Вальпургиевы ночи... да сам Олег, кстати, приложил руку к этим указам, вернее, печать на перстне. Олегу все, что рационально и правильно, – хорошо, а с точки зрения математики и экономики что может быть лучше: вот так размножаться? Но человек, как это ни банально, не математика и не экономик.

Лифт опустил до третьего этажа, ввалилась целая семья с коляской, конечно же, поздороваться и не подумали, Олег не шевельнул и бровью, а Мрак удержался от соблазна съехидничать по этому поводу: будет похож на ворчливого деда, которому все в молодежи не так. Хотя здороваться перестали и эти самые ворчливые деды, в лифте это выглядит особенно смешно, когда заходят и стоят под стенками, старательно не замечая друг друга.

Но, напомнил себе, Олег прав, если хотим оставаться людьми, надо быть такими, как все, хотя бы биологически, как можно дольше. А потом просто всех людей поднимем до своего могущества. И затем вместе с воспрянувшим человечеством пойдем в новый отрыв от этого устаревшего мира. Оставив здесь вот этих, которые не здороваются.

Автоматическая дверь распознала, послышался звуковой сигнал и щелчок, тяжелая металлическая плита с легкостью

отщелкнулась, скрылась в проеме стены, став почти неотличимой, а проем сделала достаточно свободным, чтобы Олег и Мрак могли пройти рядом. В коридорчике никогда не засыпающие датчики бездумно проверили обоих на взрывчатку, наркотики, болезнетворные вирусы, как проверяют и всех входящих, зажглись зеленые огоньки, по невидимым беспроводным цепям пошли сигналы, что все в порядке, а результаты проверки в особую базу данных, где подбивается лояльность всех граждан города и страны, учитываются их меняющиеся данные, включая покрой и стоимость одежды, упитанность, наличие денег в карманах, будь то в простых или электронных знаках.

Входная дверь узнала их и отворилась сама, площадка перед домом залита ярким электрическим светом, а дальше пугающе огромный ночной город, где над старыми боярскими усадьбами, робко прижавшимися к земле, высятся пятидесятиэтажные элитные дома, усеянные на крышах параболическими антеннами, блестящими пластинами фотоэлементов, усилителями сигналов НЧ и мэзоприемниками.

Воздух, насыщенный парами бензина и отработанного масла, к вечеру попрохладнел, между домами густая вечерняя тень, зато в небе раскрылись огненные бездны, там перевернутая земля, какой была шесть миллиардов лет тому, когда вся из вулканов, морей кипящей лавы, горящего базальта, формирования материков...

Верхушки высотных домов полыхают жарким огнем, зато

внизу ночь, пустынно, с работы народ уже вернулся, балдеет перед жвачниками, а пора массового возвращения молодежи с дискотек, что приходится на последние электрички и перед закрытием метро, еще не наступила.

Олег с удовольствием вдохнул воздух, по крайней мере, заставил себя ощутить удовольствие, раньше ведь ощущал, значит, надо и сейчас, ведь он же человек, просто человек... Вдохнул, понимая, что и раньше был не совсем человек, это вот Мрак – да, человек, он и сейчас неотличим, а ему всегда было не по себе на дурацких пьянках, дурацких гулянках. Дурацкое веселье, которое только он один считал дурацким, а все остальные ликовали и радовались. Потом, правда, он в странствиях встречал себе подобных, всякие дервиши, отшельники, мудрецы, но и они не совсем люди, потому что на человечество умели смотреть со стороны и п о н и м а т ь, что с ним происходит.

Мрак опустил щенка на землю, тот отбежал на пару шагов, присел, смешно раскорячившись, из-под него потекла желтоватая лужица, все увеличивалась и увеличивалась, наконец щенок привстал, с недоумением оглянулся: неужели это он надул такое огромное море?

– Вовремя вывели, – сказал Мрак с удовлетворением. – Пусть привыкает такие важные дела свершать только на улице, как киберпанки какие.

– Каберпанки гадят в лифтах, – поправил Олег. – У них это в уставе.

Мрак вдыхал вечерний воздух широко и свободно, морда довольная, глаза шарят и по сторонам, и захватывают верхушки домов, где помимо всего установлены следящие телекамеры, записывающие все-все, что потом тщательно проверяется компьютерами на предмет опасности для общества.

– Только что здесь стояли такие серые блочные дома...

– Ты еще бревенчатые дома вспомни! – буркнул Олег.

– Я про них не говорил, – возразил Мрак, защищаясь.

– Но подумал.

– И не думал даже! Что ты стал таким подозрительным?

Будь проще, Олеженька. И женщины, может быть, обратят на тебя внимание. Хоть какие-нибудь кривенькие.

Глава 5

Впереди возвышался, брезгливо отодвинув соседей, еще один пятидесятиэтажный красавец-дом, такой же, как тот, из которого вышли: с огороженной территорией, частной охраной и надежными следящими системами. С крыши смотрят мощные антенны, а также охранные телекамеры, что записывают все происходящее вокруг дома уже не для правительства, а для себя, для охраны жильцов и дома.

Дальше дома среднего класса, целый квартал, а еще дальше – трущобы «третьего мира», дома-типовухи стандартной планировки, где обитает масса безработных и занятых на самых низкооплачиваемых работах. Там мужчины и женщины трудоспособного возраста, им еще рано на пенсию по возрасту, но и не состоят на учете на бирже труда, значит – не получают и пособия по безработице, живут неизвестно на что, не обучаются новым профессиям, детей не посылают в школу, телефоны отключены за неуплату, а свет и тепло им идет за счет общества, иначе вообще обречь их на вымирание в холодные зимы. Стоило бы, конечно, но, какая дурь – негуманно.

Тротуар блестит, только что прошла поливочная машина, в сторонке жадно впитывает влагу газон с чахлой травкой. Щенок отбежал еще чуть, снова присел, уже чуточку иначе, смешно сторбив спинку, Мрак даже ощутил, как малень-

кое существо напряглось, натужилось, и наконец выложило в травку две аккуратные колбаски.

– Вовремя, – согласился и Олег. – Жаль, что не на руках...

– Он у меня стойкий оловянный солдатик, – ответил Мрак с гордостью.

Олег всмотрелся в щель между домами, буркнул:

– Насчет женщин пока не скажу, но внимание мы на себя уже обратили.

Мрак оглянулся:

– Кто?.. А, эти...

– Да, – сказал Олег саркастически, – эти, которые. Они самые.

Челюсти сами собой стиснулись, как стальной капкан. Мир меняется стремительно, в быт вламываются высокие технологии, но эти вот темные личности на ночных улицах с их неизменным: «Дядя, дай прикурить!» и «Подруга, давай пообщаемся!» все те же, разве что стали более назойливыми, напористыми, агрессивными. Болтуны с высоких трибун важно говорят о «культуре третьего мира», подразумевая не тот третий мир, к которому он привык: раньше имелись в виду все нейтральные страны, что опасливо держались в стороне от двух ощетинившихся сверхдержав: США и СССР, теперь это «культура» молодежных банд, что слоняются без дела, угоняют автомобили, торгуют наркотиками, затевают жестокие драки друг с другом, нападают на одиноких прохожих.

– Отлупим? – предложил Мрак ехидно.

Олег отмахнулся.

– Пусть живут, как хотят. Они останутся в этом мире, а остальные уйдут вперед.

– И выше, – сказал Мрак, ухмыляясь.

– Да, и выше, – согласился Олег таким холодным голосом, словно говорил айсберг.

Высоко в небе проплыл с мягким рокотом милицейский вертолет, исчез за высокими зданиями. В темном небе среди звезд передвигаются в разных направлениях красноватые огоньки лайнеров, святящиеся точки спутников и обитаемых станций, дважды коротко полыхнула на полнеба реклама пепси-колы, дорогое удовольствие даже с учетом все дешевеющих технологий.

Мрак смотрел в сторону, сказал с неудовольствием:

– А вот это мне не нравится.

Четверо крепких ребят, по их звероватым рожам и налитым силой телам не скажешь, что Россия вымирает, с хохотом расставили длинные, как у фреддикрюгеров руки, перегородили дорогу молодой женщине. Она попыталась обойти, но не сумела проскользнуть между стеной и длиннопалым героем ночных переулков, он ловко цапнул за рукав. Затрещала тонкая ткань, женщина негодуя вскрикнула.

– Ты постой, погоди, – пропел один насмешливо, – насладиться поспеши... Вован, держи крепче! Сочная штучка попалась...

Женщина завизжала, начала отбиваться. Ее глаза закрывали большие очки с массивной оправой, сейчас они слетели и пропали в темноте. Мрак буркнул:

– Надо хотя бы по мордам.

Олег поморщился.

– Думай о человечестве, – напомнил он сурово. – Я же говорил, не можем спасти всех, кого сейчас обижают!.. В эту минуту по всей планете не меньше ста тысяч таких вот ситуаций, не меньше миллиона автомобилей разбиваются, падают в реку... всех не спасти, а спасти кого-то одного, это несправедливо ко всем остальным.

– Да знаю все, – сказал Мрак зло, – но где-то в твоих рассуждениях дырочка.

– Где?

– Не знаю, но есть.

Он повернулся к веселой четверке. Запах алкоголя прет от всех четверых, женщина бессильно трепыхается в руках самого здоровенного, красавец блондин, крепко зажал ей рот, еще один держит ноги, а третий попытался стащить трусики, но в нетерпении просто разорвал и отшвырнул. Четвертый лишь глазел, пальцы нервно теребят язычок «молнии» на джинсах, не уверен, паскуда, что ему позволят полезть не то, что первым, а вообще.

– Эй, – сказал Мрак, подходя, почти дружелюбно, – вы что тут делаете?

Посмотрели все четверо, но лишь последний оставил

«молнию» и загорючил дорогу. Рослый, крепкопечий, накачанный, такого можно на рекламу здорового питания, даже красавец – чего еще надо, таким девки сами на шею бросаются, но восхотел вот запретной романтики, люди Флинта, мол, песенки поют, вот и держится с демонстративной наглостью, окинул Мрака взглядом, полным презрения, и процедил как можно гадостным голосом:

– Мужик... тебя тоже на четыре кости?

Женщина забилась, глаза в ужасе вытаращены, блондин крепче зажал ей рот, кивнул тому, что уже раздвинул жертве ноги. Тот нехотя повернулся к непрошеному свидетелю.

– Гриша, врежь ему разок, чтобы поднялся только завтра!

Мрак сказал миролюбиво:

– Ребята, сам был молодым, понимаю... Так что не сердюсь. Вам просто не повезло, я попался. Девку отпустите, а сами, того... идите, идите и идите. Лучше всего еще и не грешите. По возможности, конечно.

Двое сделали по шагу навстречу. Незнакомец выглядит крепким, очень крепким, но и великана можно превратить в окровавленную тушу, если знаешь боевые приемы. Один спросил на всякий случай:

– Ты кто, мужик? Не из ментов, случаем?

– Нет, – ответил Мрак честно. – Но уделать вас могу, так что девку отпустите. И вам ничо не будет. Подрастете, женись, подработку начнете брать, чтобы семьи прокормить, с этим сейчас худо, вагоны по ночам разгружать придется, не

до приключений будет.

Оба переглянулись, придвинулись еще, один сразу же ударил, второй нарочито задержался на случай обманного движения незнакомца, но Мрак стоял неподвижно. Кулак парня с силой угодил прямо в нос, послышался хруст ломаемых костей. У женщины округлились глаза, парень взвыл и согнулся, нянча кисть с переломанными пальцами. Кровь выступила из многочисленных открытых переломов, побежала темными струйками.

Второй вскрикнул:

– Ах ты, гад...

Его кулак с сокрушительной силой ударил Мрака в челюсть. Мрак не сдвинулся и на миллиметр, а парень вскрикнул, тоже согнулся, прижал руку со сломанными пальцами к груди. Женщина, ощутив, что появился шанс вырваться, отчаянно засопротивлялась, ухитрилась укусить вожака за пальцы. Тот грязно выругался, ударил ее по лицу.

– Жди здесь, сука!..

Он выхватил нож и, пригнувшись, пошел на Мрака. Четвертый, что еще не участвовал в драке, посмотрел на вожака, тоже вытащил нож, неумело раскрыл и зашел к Мраку с другой стороны.

Олег кривился, морщился, но вышел из тени, на него не обращали внимания, сказал женщине:

– Здесь все в порядке, идите домой.

Она торопливо вскочила на ноги, на губах кровь, подхва-

тила сумочку. Широко раскрытые глаза обшарили лицо Олега, спросила быстро:

– Вы даже не собираетесь помочь другу?

– Нет, – ответил Олег сухо, – идите.

Она попятилась, не отрывая от него взгляда, потом быстро посмотрела на Мрака. Двое с ножами набросились с двух сторон, а Мрак решил, что ждать, пока сперва затупят, а потом и вовсе обломают лезвия ножей из великолепной стали, уж слишком, сделал вид, что он-де обучен каким-то приемам, взмахнул раз, взмахнул другой, отбивая удары, парни разъярились, ножи сверкали в воздухе, словно серебрястые рыбки. К двоим присоединился один со сломанными пальцами: выхватил шокер и ткнул Мраку в спину.

Мрак отмахивался с таким видом, что вот-вот упадет, но пока что ни один удар не достигал цели: нападавшие либо промахивались, либо незнакомец успевал в последнюю секунду, в самую что ни есть распоследнюю, заблокировать удар или сбрасывать в воздух. Олег скривился, что-то в этом есть нехорошее, когда вот так с теми, кто заведомо слабее, просто неизмеримо слабее и ниже, но Мраку не объяснишь, он и сейчас, ставши сверхчеловеком, все еще руководствуется не головой, а эмоциями.

Женщина отбежала, Мрак успел в свете уличного фонаря увидеть ее лицо: губы распухли, на правой стороне лица будет такой кровоподтек, что не выйти на улицу, для женщин это тяжелый удар. И вот только сейчас, при виде обез-

ображенного лица, Мрак разъярился, Олег раскрыл рот, хотел крикнуть, но руки Мрака на этот раз ударили точно. Трое вздрогнули, их не отшвырнуло, не отбросило, просто опустились на подломившихся ногах с разбитыми, как гнилые тыквы, головами.

Олег сказал сухо:

– Зачем?..

– Заслужили, – ответил Мрак с вызовом. – Что, не так?

– Сейчас – да, – ответил Олег с такой серьезностью, что Мрак посмотрел внимательнее, не прикидывается, – но завтра стали бы примерными членами общества. Возможно, стали бы. Буйство крови бывает у многих. Да и подспудный протест против всеобщего умиротворения. Не все же оттягиваются в кровавых баймах, кому-то уже недостает...

Мрак отряхнул руки, лицо угрюмое.

– Рассуждай, рассуждай. А я, когда вижу зло, бью. Без рассуждений. Даже если завтра оно отрастит ангельские крылышки и запоеет в церковном хоре... А где Барсик?

Олег огляделся. Из-за кустов выглядывала квадратная мордочка. Щенок перетрусил, поспешил спрятаться подальше от битвы богов. Мрак взял его на руки, щенок пугливо вздрагивал и прижимался к нему всем телом.

– Глупо, – сказал Олег, он не смотрел на Барсика. – Так зло не победишь.

– Да иди ты!.. К тому же людей и так слишком много.

– И что?

– Если уж чистить, то вот с этих. Хоть какое давление, но другие сидят в аудиториях и физику зубрят?

Олег буркнул:

– А то, что обнаружат три трупа?.. Четвертый такого по-нарасказывает!

Мрак ответил со злой усмешкой:

– Не порасказывает.

Молодежные банды, подумал Олег с грустью, молодые и сильные парни, неграмотные и не обученные никакому ремеслу. Какая к черту «культура трущоб», как можно поганить слово «культура», когда целые стаи шатаются вот так без дела, устраивают стычки, делят территорию, приторговывает наркотиками, всем жаждется хорошей жизни, ведь видят же по телевизору, отсюда хорошо заметен и тот красавец-дом, где даже территория вокруг обнесена высоким забором. И на той стороне дороги целый квартал таких домов, там своя полиция, свои поликлиники, магазины. Жители тех домов даже требуют у городских властей уменьшить им налоги, так как не пользуются местными службами.

Они прошли еще чуть, из темноты выдвинулась спасенная ими молодая женщина. В руках раскрытая сумочка, не обращая внимания на Олега, сказала Мраку с горячей благодарностью:

– Вы так рисковали, так рисковали!.. Я даже не думала, что еще на свете остались мужчины!

Мрак отмахнулся.

– Не стоит благодарности. На свете есть всякие.

– Только настоящих, – сказала женщина с горечью, – все меньше и меньше.

При свете уличного фонаря ее милое лицо, копия позабытой уже Мерилин Монро, выглядело ужасно. Разговаривая, она одним глазом посматривала в сумочку, там встроенное зеркальце, расстроено морщилась. Мрак покачал головой, голос прозвучал натужно бодро:

– Ошибаетесь. Разве мы не орлы? Вы далеко живете?

– Рядом, – ответила женщина быстро. – Меня зовут Тигги. Инна Тигги. Не зайдете ко мне на чашку чаю? А если сторонники здорового образа жизни, налью молока. Я даже не стану искать очки, хотя жаль, там мои собственные программы. Ой, какой у вас чудесный щенок? Что за порода?

Олег буркнул:

– Молоко на ночь не пьют. Вообще на ночь не пьют и не едят. Не стоит благодарности, идите спокойно.

– Но если ваш друг...

– Он тоже не хочет молока, – оборвал Олег. – Хотя котяра еще тот.

– Молока – нет, – согласился Мрак. – Но если найдется кофе... Я люблю крепкий кофе. Именно на ночь. А щенок у меня в самом деле замечательный. Породный, как сам Чингисхан! Только еще не знаю, что за порода.

Она счастливо улыбнулась, улыбка осветила лицо, глаза заискрились, она вся преобразилась, из хорошенькой ста-

ла просто восхитительной, даже Олег ощутил, как в сердце кольнуло, иногда создает же природа такие шедевры, чтобы вот так в мгновение ока можно было преображаться.

– У меня есть крепкий кофе, – сообщила она торопливо. – Вы меня просто обяжете, если заглянете. Я так перетрусилась, что теперь побоюсь зайти и в подъезд. Даже дверь открыть страшно.

Если и лукавила, то самую малость, ее все еще трясло, хотя старается храбро улыбаться, молодец. Мрак, не дожидаясь Олега, взял ее под руку, Олег буркнул что-то под нос, брезгливо оглянулся.

– Очки...

Мрак тоже посмотрел, все понял, сунул Олегу Барсика, метнулся в темноту, женщина выжидательно смотрела вслед, перевела взгляд на Олега, в чистых добрых глазах он прочитал мягкое осуждение.

Мрак появился с радостным кличем:

– Вот они! Даже не разбились! Все цело!

Тигги с ликующим воплем схватила, поспешно осмотрела, примерила, на лице появилась счастливейшая из улыбок.

– В самом деле, цело, удивительно. Огромнейшее спасибо!

Не оглядываясь, Олег видел, три трупа исчезли, как исчез и четвертый, что сидел, обмочившись, прямо на земле и с ужасом смотрел им вслед. Воздух стал чуть чище, добавилось кислорода.

Ее дом не совсем рядом, конечно, но близко, ехать не пришлось, довольно приличный дом для среднего класса, она открыла парадную дверь магнитным ключом, прошли мимо запертой двери, где должна дежурить консьержка, мимо расписанных скабресными надписями стен и разбитых почтовых ящиков, поднялись в такой же расписанной кабинке лифта на этаж, здесь снова погромела ключами. От волнения долго не могла попасть в дырочку, затем там щелкнуло, Олег вскинул брови и посмотрел на Мрака очень строго, тот ответил невинным взором, мол, вовсе и не собирался помогать застрявшей собачке замка сработать, она и сама бы сработала, вернее, сама и сработала.

Квартира небольшая, двухкомнатная, сразу чувствуется, что мужчины здесь либо не бывают, либо не имеют права голоса, а хозяйка совсем не считается, как гости посмотрят на разбросанные вещи.

Навстречу вышла толстая рыжая ангорская кошка. Посмотрела с пороги спальни неодобрительно, повернулась и царственно удалилась, покачивая задранным хвостом.

Тигги сказала торопливо:

– Располагайтесь, как дома!.. Двери в туалет и ванную рядом, в комнате телевизор и компьютер, линия в Интернет выделенная, а я пока приготовлю кофе. Вам со сливками?

– Мне без, – ответил Мрак. – Но Барсику можно со сливками.

Она изумилась:

– Он тоже пьет кофе? Такой маленький?

– Он еще и курит, – ответил Мрак гордо. – Но не в гостях, конечно. Ладно, ему можно сливок без кофе.

– А вашему другу?

– Ему со сливками, – ответил Мрак и пояснил злорадно: – Он у нас здоровье бережет.

– Я так и поняла, – заявила она. Улыбнулась, смягчая резкость, все-таки хозяйка, гостей обижать – последнее дело. – У меня, к счастью, сливки тоже есть.

– Кошачьи, – ехидно уточнил Мрак. – Мой друг как раз любит сливки для кошек. Знаете ли, «Сливскас»?

Тигги просияла:

– У меня как раз они! Две упаковки!

– Ему одной хватит, – сказал Мрак. Он повел в сторону Олегу дланью: – Мы по русскому обычаю не представились, а вы из скромности все не спрашиваете и не спрашиваете. Моего друга зовут Олег, просто Олег. А меня – Мрак. Барсика вы уже знаете. Можно я его опущу на пол?

– Можно, можно, – заверила она. – Моя кошка сама доброты. Вас, простите... Марк?

– Нет, Мрак, – поправил он. – Говорят, я родился в самую темную ночь, потому так и назвали.

Тигги мило улыбнулась. Ее глаза за толстыми стеклами-дисплеями тоже улыбались, Мрак подавил желание заглянуть в программу, хоть и любопытно, какими же она их

видит, Олега, понятно, сухим чинушей, а его, Мрака, наверняка рыцарем в серебряных доспехах?

Она поспешила на кухню, Мрак окинул взглядом книжные полки, хмыкнул. Тигги услышала, обернулась в дверном проеме, взгляд стал встревоженным:

– Что-то не так?

– Какой широкий разброс, – отметил Мрак с осторожностью. – Я решил было, что вы красивая, а теперь...

Она чуть отклонилась, бросила взгляд в зеркало на стене в коридоре.

– Теперь вы так не думаете... Ой, а синяка-то и нет! Я думала, такой кровоподтек будет!.. Как удачно, а мне казалось, что пол-лица занемело. И губы почти в порядке... Странно как-то.

Олег поинтересовался:

– Отсюда троллейбусная остановка далеко?

– Да, к сожалению. Но рядом с домом маршрутная стоянка. Почти рядом... вы не думаете, что стоит заявить в милицию?

Мрак отмахнулся великодушно.

– Не стоит. Они свой урок получили. Больше не выйдут на такую охоту.

– Уверены?

– Уверен, – ответил он. – Вот почему-то уверен.

Она бросила быстрый взгляд на его грубое мужественное лицо, не нашлась, что ответить, спросила после неловкой па-

узы:

– Судя по этим книгам, вы решили, что я не красивая, а напротив – умная?

Мрак засмеялся.

– Нет, просто по книгам бывает легко угадать профессию хозяина. А по этим книгам... гм...

– Я гуманитар, – сказала она. Встретив его удивленный взгляд, пояснила: – Просто гуманитар, не слишком известный, хотя пару работ уже опубликовала в академическом издании, а два десятка – в Сети. Ладно, обо всем позже. Сейчас – кофе!

– И сливки!

– Да, извините, и сливки. Для Барсика и вашего... друга.

Она исчезла на кухне, Олег буркнул:

– Ну и зачем это тебе?

– А просто так, – ответил Мрак. Добавил: – Если «гуманитар» то, что я думаю, то ее бы с Яфетом познакомить! Оказывается, уже и профессия такая есть.

Из кухни вкусно запахло, к аромату кофе добавился запах поджаренных гренков, Мрак уловил и дивный аромат ветчины с яичницей, эта Тигги не последняя дура, понимает, что кофе, конечно, интеллигентно и светски, но двое мужчин не откажутся, еще как не откажутся и от чего-то к этому самому кофию.

Глава 6

В дверном проеме появился столик на колесиках, на двух широких тарелках поджаренная на скорую руку ветчина с яичницей, хлеб и тонко нарезанные ломтики сыра.

– А кофе сейчас будет, – предупредила она, – это вам пока что, чтобы скрасить ожидание. Да вы сядьте же! А то мне неудобно все время задирать голову, вы такие большие... Барсику я налила в тарелочку сливок. Там, на кухне.

Мрак подхватил Барсика и понес искать кухню, Олег понаблюдал, как она ловко переставляет с тележки на стол, поинтересовался:

– Гуманолог – это не то, что гуманист? Или гуманитарий?

– Мы изучаем человека, – объяснила она мягко, – просто человека. Нет, мы не биологи, не антропологи, мы гуманологи... как бы вам это объяснить...

Появился Мрак, с ходу подцепил со стола крохотный бутербродик, настолько нежный, что может растаять в пальцах, как снежинка на горячей ладони, сказал нахально:

– На пальцах! Мне только на пальцах. Олегу можно и в терминах, но мне – на пальцах.

Она кивнула, на Олега даже не посмотрела, не может простить, что не бросился Мраку на помощь, сказала тем же мягким голосом:

– Была только одна форма жизни, в смысле, человеческая

форма, как и форма разума, а когда что-то доступно в наблюдении только в одном числе, сами понимаете, какие могут быть сравнения, какие выводы?..

Мрак, не чинясь, взял второй бутербродик со стороны Олега, мол, ему на ночь есть вредно, бросил быстрый взгляд на Олега, тот тоже насторожился, спросил недоверчиво:

– Это вы о ком? О зеленых человечках с НЛО?

Она засмеялась.

– Нет, все проще. Гуманология рассматривает человека в ряду не только внеразумных форм жизни, но и внебиологических форм разума... нет-нет, никаких зеленых человечков!.. просто назревает переход людей в другие формы, вам в это трудно поверить, но технологический прогресс ведет к тому, что уже скоро появятся киборги, роботы, разумные компьютеры... Да, их еще нет, но мы должны быть готовы, должны понять, что же это такое: отличие от других форм разума. Вы могли заметить, что компьютеры все больше овладевают традиционными областями человеческой деятельности...

Мрак подумал, облизал губы, проговорил с глубокомысленнейшим видом:

– Экология возникла, когда природа начала исчезать. А страсть к изучению первобытных племен у людей появилась, когда их почти не осталось. Верно? Потому сейчас индейцы с каждым фильмом все красившее, благороднее, наделены великими мудростями...

Она засмеялась.

– Вы ухватили суть очень точно. Точно так же и современный человек, даже если он суперпуперакадемик, будет рассматриваться в области экологии и первобытных племен. Современность будет уже не совсем... нынешняя, скажем мягко. В техносциальной среде грядущего человек будет становиться все более лишним, чуждым, как сейчас был бы чужд на улицах Москвы пещерный дикарь с каменным топором. Так и мы, современные люди, будем восприниматься как рудимент древней и пройденной стадии развития интеллекта. Такой же дикой, или, если хотите, полудикой, но промежуточной между природой и техногенной культурой. Я вижу, вы запечалились? Погрустнели?.. Не надо так смотреть, это произойдет еще не скоро. Возможно, через сто лет, но никак не раньше, чем через семьдесят-восемьдесят.

Мрак кивнул с довольным видом:

– Ах, так не скоро? Ну, тогда ладно, тогда пусть.

Олег усмехнулся, на женщину смотрел с симпатией и растущим интересом. Пальцы его умело держали нож и вилку, но глаза не сводили заинтересованного взгляда с ее лица. Она слегка улыбнулась ему, мол, ладно, прощаю, не совсем еще, правда, но почти прощаю. Возможно, вы, в самом деле, настолько элитные бойцы, что второму в лом вмешиваться в простую драку с уличным хулиганьем.

Затем она исчезла в направлении кухни, вернулась уже с подносом, где исходили паром три большие чашки. В каж-

дом колыхается почти черная жидкость, отдельно в элегантной упаковке поблескивает серебром бутылочка с надписью «Сливскас». Мрак злорадно ухмыльнулся.

Олег ощутил, что против воли натянутые в струну нервы постепенно успокаиваются. Даже от стен этой квартиры веет уютом и покоем. Из спальни снова явилась рыжая кошка, похозяйски впрыгнула в дальнее кресло и улеглась там, смотрит на всех желтыми хищными глазами неприрученного зверя. Но даже от вида этой кошки становилось, как ни странно, уютнее, а тревоги испаряются, как гнилой туман под лучами ласкового солнца.

Притопал лопухий щенок, смотрел на огромных людей с простодушным восторгом и любопытством, непрестанно помахивая крошечным хвостиком, мол, я мирный, не нападу, вы меня тоже не обижайте, я маленький.

Тигги, не удержавшись, подхватила его обеими руками и вlepила в мордочку звучный поцелуй. От нее, еще больше, чем от кошки, струился покой, уют, доброта и доброжелательность.

Очки уже сняла, глаза оказались небесно-голубые, невинные, как у младенца. Кофе прихлебывала, забавно вытягивая губы хоботком, как бабочка, пьющая нектар. Мрак развеселился, рассказал целую кучу анекдотов, умеренно пристойных, по крайней мере, Тигги не краснела, звонко хохотала, запрокидывая белую нежную шею, как говорили в старину, сознannую для поцелуев.

Олег покосился на Мрака и понял, что это сравнение промелькнуло и у него. Тигги не ребенок, взрослая женщина, но в ней столько детскости, что и тело, будто подстраиваясь под ее нрав, тоже нежно детское, без морщинок, меток возраста. А шея, что в первую очередь выдает возраст женщины, безукоризненно чистая, девственная, как будто созданная для волчьих зубов.

Тигги в свою очередь заметила, что эти мужчины и здесь держатся уверенно, по-хозяйски, в том смысле, что не осматриваются в ее квартире с любопытством. Вообще ей почудилось, что Олег, так и Мрак может назвать любую книгу в ее шкафах или рассказать, какая мебель у нее в спальне, куда еще ни один не заглядывал. После ужина, когда мужчины обычно выходят на балкон покурить, оба тоже вышли, хотя Тигги сигарет не заметила, да и не похоже, что такие курят, все-таки курение осталось среди людей третьей культуры и частично второй, а эти двое... да это элита, элита во всем, хотя и стараются ничем не выделяться, вон даже пешком шли, хотя такие обычно только на лимузинах и с охраной.

Она осталась убирать со стола, сердце колотилось возбужденно, в предчувствии необычайного приключения, женщины о них мечтают не меньше мужчин, любопытство разъедало внутренности.

Окна при их приближении услужливо распахнули створки, оставив противокмариную защиту из тончайшего ре-

пеллента. Струи распыляются на расстоянии от балкона, даже Мрак почти не уловил запаха, оба с удовольствием смотрели на гигантский город, странный и противоречивый, где по-прежнему обещали выработать единую схему планировки, но город все так же застраивается хаотично, неравномерно, отдельными микрорайонами, когда очень состоятельные люди, что не желают покидать понравившийся район, покупают большой участок земли, строят один-единственный дом, очень навороченный, суперкомфортабельный, а участок обносят забором и ставят охрану. Получаются противостественные гибриды крайней роскоши среди этой чертовой третьей культуры...

Одна такая башня высится среди одинаковых бетонных коробок за четыре квартала южнее, сияющая, с короной из красных огоньков, уже не столько предупреждающих самолеты, это сейчас делают чувствительные сенсоры, сколько украшающих чудо архитектуры. Остальные дома на почти-тельном расстоянии, отодвинутые забором, по всему периметру ультраэлитного дома лазерные датчики следят, чтобы и комар не пролетел со стороны «плохой» территории. Правда, когда жильцы изредка покидают убежище, приходится ехать через трущобы, однако молодежные банды стараются не оказываться на пути дорогих автомобилей: владельцы обычно вооружены, сзади охрана, адвокаты сумеют доказать, что все встречные – бандиты, садисты и убийцы.

Мрак перехватил взгляд Олега, хмыкнул.

– Живут же люди? Так про них и говорят, живут же...

– Они работают по двенадцать часов в сутки, – ответил Олег спокойно, но с каждым словом начал заводится. – И семь дней в неделю!.. Не шляются по подворотням. И когда моложе были – не шлялись, а в библиотеках учебники листали. И не становись на защиту уличных подонков...

Мрак сказал поспешно:

– Я? Никогда в жизни. Ты чего такой взвинченный?

Олег тряхнул головой, ответил с некоторой неловкостью:

– Прости. Просто меня достали эти правозащитники, миротворцы, гуманисты... Даже Яфет оказался в их числе, никогда бы не подумал!

Мрак смотрел с интересом, Олег даже изменился в лице, пошел пятнами, словно ящер, пытающийся изменить цвет, а челюсти задвигались, перемалывая что-то уж больно ругательное, настолько злое, что не решился выговорить даже в присутствии Мрака.

– А что, – сказал Мрак поддразнивающе, – разве не Яфет плакал, когда с его башни падал кирпич, и не обращал внимания, когда срывался человек?..

– Да он, – ответил Олег еще злее, – башня была столь высока, что кирпич приходилось тащить наверх полгода! Потому каждый кирпичик становился на вес золота. Но тогда Яфет был одержимым идеей, а сейчас ну просто слизняк какой-то, еще чуть – и в зеленые запишется!

Мрак не сводил с него внимательного взгляда коричневых

глаз.

– Зато ты... гм...

– Что? Я таким и был!

Мрак покачал головой.

– Нет, Олег. Ты стал жестче. Все с возрастом добреют, но только не ты. Ты как был искателем истины, так им и остался. А люди тебе всегда были по фигу.

Олег огрызнулся:

– Не все! Но я никогда не понимал сюсюканья над каждым уродом. Блаженны нищие духом... Как же, как же! Нищие и есть нищие. Давно пора начинать говорить правду!

Мрак сказал сожалеюще:

– Олег, мир и так твоими усилиями стал намного злее, жестче. Яфет даже говорит, бесчеловечнее. А ты хочешь, чтоб стал еще злее?

Олег ударил кулаком в ладонь, звук получился мощный, словно метеорит размером с барана впечатался в мокрую глину.

– Я хочу, – сказал он с расстановкой, – чтобы все шло правильно. И так, как надо. Без оглядки на правозащитников, крикунов. Пора переставать кормить дармоедов, что работать не ходят, учиться не желают! Пора перестать закидывать грязью единственную страну, что пытается навести порядок в мире, но ее клюют справа и слева, сверху и снизу, и она все оправдывается и оправдывается. Все тормозят поступь прогресса, все мешают! А я считаю, что надо действовать куда

решительнее. Пора поднять любое сопротивление, установить единую власть на всю планету... Что поделаться, ею станет правительство Штатов, не самое лучшее, согласен, однако все другие варианты – уступка крикунам и мешальщикам. Сейчас, когда Штаты наконец-то на что-то решились, им надо помогать, а не тормозить. Ну что за бред о бесценности каждой жизни? То же самое, что и с подставлянием левой щеки... В теории это, может быть, прекрасно, хотя никогда не понимал такие теории, я имею в виду этот бред с левой щекой, но покажи мне людей, кто живет по этому принципу...

– Покажу!

– ...и чего-то добился, что-то создал, открыл, сумел, достиг? Так же и с бесценностью жизни каждого бандита, идиота, наркомана, извращенца, да просто дурака! Если всех их перебить, я говорю пока только гипотетически, мир станет чище и ничего ценного не потеряет, вопреки крику правозащитников. Ну, разве что станет меньше грязи, вони, нечистот, убийств! Сейчас Штаты пошли было в наступление...

Мрак засмеялся:

– Да ладно тебе! Сколько усилий пришлось потратить, пока сдвинул эту машину с мертвой точки?

Олег огрызнулся:

– А сколько придется затратить, чтобы не остановилась? Чтоб довели до логического конца то, что начали с таким трепетом, опаской и оглядкой на так называемое... обще-

ственное мнение?

Он опять запнулся, губы быстро задвигались, глаза стали бешеными. Мрак сказал сочувственно:

– Давай заматерись. Сразу легче станет.

– Не могу, – сказал Олег рассерженно.

– Почему?

– Воспитание не позволяет, – ответил Олег очень серьезно. Мрак вскинул брови, взгляделся внимательнее. Олег, возможно, пытаясь пошутить, добавил: – Я же волхв, а волхвы должны быть, аки голуби.

Мрак подтвердил серьезно:

– Ты голубь, еще какой голубь! От такого сизокрылого стаи крокодилов разбегаются. Не ты позировал для Джека Потрошителя? А то и случаем... нет-нет, молчу, это твои личные тайны! Но уж больно ты временами годзиллистый.

За спиной послышались шаги, из комнаты на балкон вышла Тигги, в руках бокалы с шипучим напитком, затейливый коктейль.

– Ваш Барсик уснул, – объявила она, смеясь, – в объятиях моей кошки! Она его облизала, теперь спят. Она у меня такая мягкая, теплая...

И сама она, на взгляд Мрака, мягкая, теплая, нежная, тоже мурлычет, но взгляд его упал через ее плечо на большие часы поверх большого настенного календаря, он нахмурился, Тигги оглянулась, охнула:

– Господи, метро уже закрывается!.. И троллейбусы в на-

шем районе вечером ходят с интервалами в сорок минут... Какая я эгоистка, заболтала вас, утомила своими проблемами! Теперь вы из-за меня не выберетесь из этого района. Но... вы не обидитесь, если я предложу вам переночевать у меня? Во второй комнате есть просторный диван, а для вашего друга отыщется раскладушка. Нужно только ее вытащить отсюда, да вот она спряталась за цветами...

Олег смолчал, Мрак ответил весело:

– А что, мы не орлы?.. Расписание должно регулярно, нет, лучше нерегулярно, но нарушаться. В грубой форме. В нерегулярности есть какой-то особый вкус. Верно, Олег? Ну улыбнись, а то как сыч... Тигги, где ваша раскладушка? Нет, сперва я должен посмотреть, как устроили моего боевого коня... то бишь, будущего боевого друга и защитника, верного и преданного Барса! Не предал ли, польстившись на сладкие сливки и нежные объятия домашней кошечки?

Олег краем уха слышал удаляющиеся шаги, мозг уже работает с полной человеческой нагрузкой, сейчас постоянно должен работать, это не древние века, когда сотни лет ничего не менялось и хорошо скованный меч мог служить многим поколениям, даже переходить из века в век, оставаясь вполне современным и опасным оружием. Сейчас же все безумно ускорилось, надо постоянно следить за всем, за всем. Он не имеет права оказаться в роли простого обывателя, которого однажды огорошат новой технологической революцией или технической новинкой.

Сейчас из всех возможностей, что обещают райскую жизнь человечеству... а также неизбежность кошмаров для него же, стоит пока что постоянно держать в памяти нанотехнологию и генетику. Именно они обещают наиболее стремительный скачок в будущее, наиболее захватывающие перспективы, мол, одним рывком могут обеспечить человеку бессмертие, неограниченную мощь и сверхъестественные возможности, а заодно и возможность разом погубить всех и вся, как ни сделают все атомные бомбы, вместе взятые.

Генетика – понятно, о ней столько говорили, что каждый грузчик знает или думает, что знает, чего от нее ждать. Нанотехнология же совсем новенькая, только что с технического конвейера, сама технология пошла, наконец, развиваться стремительно, сейчас обещает даже больше, чем генетика. Теперь нанотехнология – уже не наука, а производство, где полный контроль не только над веществом, а над самой его структурой. Это значит, что производство будет осуществляться простой перестановкой атомов, а даже школьник знает, что из атомов состоит все. Переставляя одни и те же атомы, можно получить каменную глыбу, слиток золота, кусок льда, рыбу, птицу или даже человека – это все те же атомы, размещенные в строго определенном порядке.

Кажется, конечно, что манипулировать атомами – это не скоро, но еще в 1990 году мир обошел снимок логотипа IBM, выложенный на никелевой пластинке из 35 атомов ксенона. С тех пор техническая мощь удваивается по закону Мура

каждые полтора года, сейчас уже два года работают над созданием первого ассемблера, то есть микроскопического манипулятора, который способен будет захватывать отдельные атомы и втыкать их в указанное место.

Конечно же, он уже обошелся в миллиарды и миллиарды долларов, но его же запрограммируют на создание своей копии, что сразу удешевит его вдвое. А клоны создадут еще и еще, так что, в конце концов, ассемблеры станут практически бесплатными. Работая в больших группах, они смогут создавать любые, даже самые сверхгигантские, объекты, причем эта технология абсолютно чистая и безотходная, а строительным материалом сможет служить абсолютно все: воздух, вода, камень, даже тела самих ассемблеров...

Из комнаты доносились веселые голоса, Тигги что-то щебетала, Олег расслышал убеждающий голос Мрака:

– Не беспокойся, я не уступлю ему диван!.. Сам буду, как король на именинах, а удел рыжих – раскладушки...

Он отвлекся от их игр, вспомнил, что генетика, точнее, биология и в создании ассемблеров идет ноздря в ноздю с металлургией: пока те улучшают сканирующие туннельные микроскопы а также атомно-силовые микроскопы, для достижения позиционной точности и силы захвата, генетики торопливо испытывают возможности хитроумных химических компонентов, способных к самосборке.

Они же ставят опыты с рибосомами, что уже сами по себе ассемблеры, но только специализированные ассемблеры.

Рибосомы осталось только использовать для сборки первого универсального ассемблера. В любом случае, любую структуру, описанную с атомарной точностью, легко построить ассемблерами предельно дешево, без отходов и даже без участия людей. Понятно, что именно ассемблеры смогут оживить тех безумцев, что уже заморозили себя в ожидании «золотого века», они же создадут особо мощные компьютеры, словом, перевернут мир... как мы и хотели, или же так, как нам мерещится в страшных снах.

Голова гудит, он хотел привычно встать и походить взад-вперед, но это балкон, не комната и даже не его просторная кухня, здесь не расходишься, к тому же в чужом монастыре неча со своим уставом, это только Мраку хаханьки, везде у него повод повеселиться. Всплыл соблазн выйти из биологического состояния, за одну секунду «атомной жизни» успеет перебрать миллион вариантов, прогнать от и до тысячи сценариев, но снова удержал страх, что слишком часто прибегаешь к такому вот отстранению от человечества, вдруг да опасно отдалится, перестанет болеть его болью, принимать к сердцу тревоги и надежды этих человечков.

Да, нанотехнология уже на марше, ассемблер вот-вот создадут. А как только созданный приступит к самокопированию, тогда туши свет, мир пойдет вразнос, если заранее не вогнать его в очень узкий туннель, откуда ни вправо, ни влево, ни даже вверх или вниз. Все, что создается человеком, тут же приспособливается для военных действий, а нанотех-

нология куда страшнее всех крылатых ракет и атомных бомб, страшнее даже террористов, вооруженных «чемоданными» атомными бомбами. Армия микроскопических убийц, которых не засечь никаким радаром, легко пересечет любые границы, а заводы по производству таких боевых киборгов будут меньше картонной коробки из-под пары кроссовок, тут уж никакая комиссия ООН по разоружению не обнаружит!

Он нахмурился, вспоминая, какой вой подняли правозащитники, когда сообразили, что вот она, настала эра, можно записывать себя в компьютер или же впускать в кровь крохотные ассемблеры, настолько крохотные, что в сотни раз мельче кровеносных телец, зато эти механические штучки могут устранять все неполадки, делая, таким образом, организм абсолютно здоровым, вечно молодым и бессмертным.

Вой поднялся не потому, что плохо, не все правозащитники полные идиоты, среди них есть и не совсем клинические случаи. Эти напирают на то, что не все смогут воспользоваться всеми возможностями! По крайней мере, не сразу, а только потом, когда их станет много, когда все подешевеет. А правозащитникам подай все так, чтобы одинаковый доступ к благам имел и подвижник, который все жизнь работает без выходных и отдыха по четырнадцать часов в сутки, и абсолютный лодырь, живущий только на пособие по безработице, пропивший из дому все и вся.

Бред, конечно, и сейчас богатые покупают огромные плоские экраны на всю стену, а бедные довольствуются ЭЛТ-ки-

нескопами, у богатых оптоволокно, а у бедных простая выделенка, а то и старинный диалап, богатые ездят отдыхать в теплые моря на собственные виллы, а бедные к себе на дачу за городом. Все это понятно, с этим устаканилось. Хотя богатых по-прежнему ненавидят, особенно в России, однако настоящий накал страстей будет, когда дело коснется не жалкой разницы между стареньким «Москвичом» и шикарным «Бентли», а выбором: кому жить дальше, а кому умереть. Ужас для тех, кому умирать, еще и в том, что их уж точно никто не возьмется восстанавливать. Понимают, что Коперника восстановят, Пушкина восстановят, даже пепел Джордано Бруно сумеют собрать и восстановить из него мятежного гения, а вот они, всю жизнь прикладывающиеся к бутылке да мечтавшие оттрахать жену соседа – кому нужны? Остается только набрать камней и пойти по-пролетарски громить исследовательские центры и фабрики по производству ассемблеров. Если не всем, то пусть тогда никому...

– Взять на заметку, – пробормотал он. – По всем данным, они уже готовы перейти от криков и лозунгов к делу... Боюсь, Яфет не справится. Даже со всеми Тайными.

Глава 7

Лежа на раскладушке, он вдыхал свежий ночной воздух, слушал затихающие шумы большого и бестолкового района, вспомнил, что уже ночь, в это время люди спят, у них вообще затихает мозговая деятельность, кроме самой низшей, они должны лежать в постели примерно семь часов, а без этого, без сна, вообще неполноценные существа, так что, пока он играет роль человека, тоже должен лечь и сделать вид, что спит. Впрочем, это нетрудно.

Заскрипел диван, это поднимается Мрак, ну, естественно, не может обмануть ожиданий женщины. Спасенной женщины. Если откажется, она ощутит себя виноватой, как бы не отблагодарившей, а так утром будет лучиться тихим блаженством, мол, сделала все, чтобы ее спаситель был счастлив.

Повернулся на другой бок, намеревался всю ночь лежать вот так и мыслить, мыслить, но легко и просто начал проваливаться в сон, хотя не чувствовал усталости или потребности во сне... однако же сонливость угнетала, путала мысли, потом вспомнил, что уже трое суток без сна, а ведь он человек, раз уж старается не покидать эту биологическую структуру...

Сознание затуманилось, он все еще чувствовал, что лежит на раскладушке, в соседней комнате Мрак обнимает женщину, однако почти так же ярко проступили и дивные фигуры

ки из созвездий, прошла оранжевая волна сжатого пространства, звезды задвигались, как отражение в темном озере, куда бросили камешек.

Густой и нечеловеческий голос произнес нечто, Олег не понял, слова сразу со всех сторон, словно само пространство говорит с ним на своем языке, что и не язык вовсе... но и не телепатия, хотя теперь все непонятное – телепатия...

Его пронизал черный, гасящий разум ужас, смешанный со щенячьим восторгом. С ним заговорила Вселенная! Ну, может быть, не с ним, но он слышал ее голос... если это можно назвать голосом, он слышит!

Голос, даже не голос, а глас, звучит ровно и торжественно, он не обращается именно к нему, такую малость кто заметит, он вещает, как говорили в старину «городу и миру», не ждет ответа и не рассчитывает на ответ, нет таких, кто мог бы ответить, он просто доводит до сведения всех-всех, кто способен услышать и понять.

А потом вместо угасающих звезд проступил красный мир, в котором просвечивают подрагивающие сгустки, исполинские волокна, Олег сделал усилие и поднял веки, зажмурился, чихнул от солнечного луча, щекотавшего ноздри. Все-таки проснулся человеком, значит, даже подсознательно чувствует в себе основу человеческую... Или же дают себя знать тренировки, когда он подчинял новые возможности железной воле, чтобы даже во сне не выползли, не проявились, пока он в бессознательном состоянии.

Зябко поежился, представив себе, что, просто потянувшись во сне «по-новому», мог бы снести половину города или вызвать к жизни вулкан, а чихнуть на полную мощь – землетрясение в девять баллов, жуткий ураган, а то и вовсе весь этот материк, как когда-то Атлантиду, в океан...

Потянулся сладко, чисто по-человечески, прислушался, как потрескивают отдохнувшие и распрямившиеся суставы, рывком вскочил, заставив жалобно пискнуть раскладушку. В комнате на диване никого, даже не смято, правда, со стороны кухни под дверную щель протискиваются, обдирая спины и повизгивая, приглушенные голоса, однако вкусных запахов пока не слышно, спасатель и спасенная тоже только что встали. Мрак, похоже, так и не понял, что именно потянуло его с такой силой к этой женщине, что ощутил в ней настолько аттрактантное, что не хочет отпускать...

Он вздохнул, природа, при всей кажущейся безграничности, на самом деле оперирует очень малым набором ДНК. Вот прямо сейчас по планете можно отыскать абсолютных двойников, а если взять древние эпохи, то сейчас по улицам Москвы спешат на работу рамзесы, тутанхамоны, пифаго-ры, точно такие же сейчас засыпают перед телевизором по ту сторону океана. Мрак то ли не понял, то ли подсознательно не позволяет себе осознать, кто именно эта Тигги, чья она точная копия, уж слишком много у него с тем образом горя и радости, страданий и взлетов.

Весь подоконник на балконе заставлен пластмассовыми

горшочками, цветы поворачивают листочки навстречу солнечным лучам, похожие на эстонских улиток, такие же быстрые, с толстенькими стеблями. Он потрогал листья пальцем, стараясь вспомнить название. Вроде бы герань, хотя у герани должны быть листья чуть мельче... Или все-таки герань, просто за тысячи лет видоизменилась, не только человеческий вид движется от мутации к мутации...

Солнечный свет пронизал листок, делая его прозрачным. Жилки выделились темным, а сам лист разделился на крохотные вздутые подушечки, похожие на целлофановые пакеты со сладким соком. С нижней стороны листа, прячась от жгучих лучей, пристроилось целое стадо тлей. Солнечного света хватало, чтобы, даже пронзив толстый мясистый лист и оставив в нем половину своей проникающей мощи, высветить и тлей, сделать их полупрозрачными.

В комнате послышались шаги, Олег не стал оборачиваться, от Мрака распространяется то чувство, которое древние греки называли бы гармонией со всем миром.

– Как спалось? – поинтересовался Мрак ехидно.

Волосы на голове и груди блестят, как покрытые лаком, а на ресницах и бровях еще крохотные жемчужные капельки. В то же время на его коже все еще сохранились частички женского тепла, ее запах, молодой и здоровой самочки, но мыслями он уже здесь, готов к деяниям. Олег не отрывал взгляда от толстеньких неуклюжих пузырей с соком, крайне нежных, которых губит и жара, и холод, и ветерок, и все-все

хищники, которые только ходят по таким листьям. Мрак, не понимая, что в тлях интересного, всмотрелся, Олег сказал наставительным тоном:

– Ну вот посмотри на эту... На которую и так смотришь. Смотри, как пьет сок, как медленно... очень медленно ползет, едва-едва переставляя лапки, на другой участок листочка. А теперь представь себе, что эта тля овладела нуль-переходом. Вот она «прыгнула» и оказалась где-то в Бразилии на роскошном дереве, на зеленом листочке. Перевела дух, попила соку, чтобы восполнить запас, у нее на это уйдет полдня, потом сделал второй «прыжок». На этот раз оказалась, скажем, в Австралии. Снова попила соку, отдохнула, набралась сил, прыгнула... Теперь в Новой Зеландии. И нигде не обнаружила других тлей. Но она будет дурой, если скажет, что на всем этом пространстве, которое она пересекла, тлей нет. Они могут быть на соседнем дереве, на соседней ветке, даже на соседнем листочке!.. Вот так прыгаем и мы. С той лишь разницей, что наша Вселенная в миллиарды миллиардов раз больше, чем земные просторы для тли.

Мрак посмотрел-посмотрел на тлю, почесал лоб.

– Дурью маешься... Какие вселенные? Там Тигги такую яичницу жарит!

– Снова яичницу?

Мрак обиделся:

– А что, должна была предвидеть, что вломятся два голодных крокодила?...

– Кстати, как там наш Барсик?

– Мог бы и раньше спросить, – ответил Мрак язвительно. – Там такой рыжий котяра, вдвое больше нашего щеника! Я даже ночью вставал проверить, не сожрал бы нашу лапочку...

– Он же Барсик, – возразил Олег. Глаза его на миг стали отстраненными, прислушался, в тот же миг в прихожей раздался звонок. – Пойди, открой!

Мрак возразил:

– В чужой квартире? Неприлично.

– Тигги возражать не будет, – заверил Олег.

– Ты кого-то ждешь?

– Я кое-что заказал по Интернету, – объяснил Олег.

Мрак поспешил в прихожую, крикнул Тигги, чтоб не покидала плиту, сам справится, начал отпирать многочисленные замки, стараясь понять, что же заказал Олег: оружие, географические карты, пособие по достижении нирваны в городских условиях или же последние монографии по ядерной физике.

По ту сторону двери пыхтел взмокший парень в форме рассыльного, в руках две огромные корзины. Ноздри Мрака уловили безумно дразнящие ароматы хорошо приготовленного мяса, запеченной рыбы и чего-то еще вкусного,

– Ваш заказ? – спросил парень вопросительно.

– Мой! – заорал Мрак счастливо. – Ну, Олег, ну удружил!.. Думал, ничем меня уже не удивишь... Сколько с ме-

ня?.. Только-то? Держи, здесь без сдачи.

Тигги ахнула, когда он ввалился с грузом на кухню и принялся доставать из корзины блюда в судках, бутылки очень дорогого шампанского, огромных омаров, лангустов, всякие диковинки, которые никогда не доводилось видеть.

Сразу же примчались Барсик с рыжей кошкой, которая, оказывается, тоже Тигги, только не Инна, начали путаться под ногами. Кошка требовательно сказала «мяв», а Барсик подпрыгивал и просился на ручки.

По кухне потекли ароматы дивных стран и заморских кухонь.

– Откуда все это? – воскликнула Тигги потрясенно.

– Олег догадался, – объяснил Мрак счастливо. – Это я, тупой, даже не сообразил... а он у нас умный. Все понимает! Прямо, как человек.

– Но это же баснословно дорого, – прошептала она.

– На эти пустяки не обращай внимания, – ответил он с понятной неловкостью очень богатого человека перед не настолько богатыми. Утешил торопливо: – Скоро всем это будет доступно... Только бы захотели.

Он вызвался расставить блюда, получилось хреново, зато тарелок оказалось втрое больше, чем принесено, чего опять же ошалевшая от счастья Тигги просто не заметила.

А Мрак доставал и доставал из пакетов разносолы, жареное и печеное, уже заставил стол в большой комнате, а в

корзине все не уменьшается, уже начал тревожиться, наконец пошли всякие там ананасы, апельсины, персики, хурма, грейпфруты, огромные гроздья отборного винограда, всем этим занял другой стол и подоконник, вторая корзина исторгла не меньше двух дюжин бутылок шампанского. К счастью, потрясенная Тигги просто не врубилась, что в таких емкостях поместится разве что треть всего выложенного.

Не дав опомниться, Мрак холодные закуски выставлял сразу на столешницу, Олегу поручил открыть шампанское, Тигги посоветовал украсить блюда зеленью. Она умчалась на кухню резать спаржу, Мрак одним глазом косил на стену, один из квадратов превращен в экран, там беззвучно мечутся жертвы очередной железнодорожной катастрофы. В последнее время скорость поездов резко возросла, из-за чего при любом столкновении или теракте жертв все больше и больше.

Олег заметил, как темнеет лицо Мрака, а дыхание учащается, усилием воли переключил канал на «Культуру», но там показывают кровавую резню в Анголе, а на двух соседних вытаскивают уцелевших из-под развалин рухнувшего здания в Лос-Анджелесе.

– Да что же это такое, – вырвалось у Мрака.

Олег сказал предостерегающе:

– Не кипятись. Их семь миллиардов.

– Не их, а нас, – огрызнулся Мрак. – Это мое племя!

– И мое тоже.

– Насчет твоего – не знаю. Не вижу. А я должен смотреть, как они гибнут... даже не успевая понять, за что, почему?

Он отшвырнул пустую корзинку, брови грозно сошлись на переносице, прошелся по комнате, сжимая кулаки. Олег тяжело вздохнул, Мраку показалось, что волхв горбится под неподъемной человеку тяжестью, а когда Олег обернулся, лицо было искажено горячим сочувствием и страданием.

– «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла». Это слышал?

Мрак отмахнулся:

– Да что-то краем уха. Ну и что?

– «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который вкусишь от него, смертию умрешь». А это?

Мрак сказал раздраженнее:

– Да что-то помню смутно, если слова не перевираешь.

– Не перевираю, – ответил Олег сухо. – Такие слова не перевирают. Но «сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Мрак, ты же видишь, что Богу было заранее известно, что человек рано или поздно сорвет запретный плод. И Бог явно не собирался их за это наказывать, но он пришел в ярость, что человек сорвал н е з р е л ы й плод, что значит, получил незрелые пред-

ставления о добре и зле! Мы не должны повторять ошибку Адама. Тем более что мы для человека почти боги, у нас такая мощь, что... полностью связывает нам руки!

Мрак сказал раздраженно:

– Ну да? А вот мне не связывает!

– Связывает, – возразил Олег. – Мы не должны мешать, как услужливые дурачки, осуществлению гениального, просто божественного проекта! Мрак, у человека нет врожденных представлений о добре и зле! Он получает их в процессе приобретения жизненного опыта, знаний. Да, как ни больно это, но прежде всего – в муках творчества, страданиях, войнах, эпидемиях, социальных катастрофах, всяких там бомбежках Ирака, Судана или резне в Индонезии! Только в этом и смысл суровых испытаний, что посланы человеку: нас готовят к величайшей миссии, а в тепличных условиях не вырастить тех, кто...

Он умолк, задохнувшись, на бледных щеках полыхал румянец, а зеленые глаза вспыхивали, как звезды.

– Кто перевернет Вселенную? – спросил Мрак бодро.

Олег медленно покачал головой. От его пристального взгляда Мраку стало вдруг не по себе. Зрачки Олега расширились, в темной глубине почудилась бездна более глубокая, чем космос.

– Нет, Мрак...

– А что?

– Бери больше. Что Вселенная для...

Со стороны кухни послышались торопливые шаги, Тигги принесла пучок зелени, принялась втыкать зеленые веточки в горки жареного мяса, в тушки мелких обжаренных птичек, счастливо щебеча, собирала на стол, донельзя счастливая, что может накрыть так, как всегда мечтала: с размахом, с дорогим шампанским, с изысканными блюдами, цветами в вазах. Мрак с великим удовольствием помогал переставлять блюда, счастливая Тигги и не замечала, что в руках могучего друга появляются вина, которые посыльный вроде бы не приносил, блюд прибавилось еще, а когда вновь раздался звонок, это оказалась девушка из бюро доставки цветов на дом.

Тигги, счастливо щебеча, унесла корзину в комнату, мужчины остались на кухне, Мрак все еще смотрел на Олега с ожиданием.

– Улыбайся, – ответил тот, и сам улыбнулся, хоть и несколько вымученно. – Как бы себя ни чувствовал – улыбайся! Жизнь такая, Мрак. Надо улыбаться, иначе вообще, как Анна Каренина, под чугунку.

Мрак скривил губы.

– То-то у тебя морда, будто укусить хочешь. Это так улыбаешься? Оскал не совсем улыбка, ты не знал? Эх, что за жизнь, на фиг она так усложнилась? А помнишь, как мы осаждали замок барона Шарля Андессю?

Олег нахмурил лоб, потом усталое лицо осветила улыбка, глаза заблестели.

– Помню, как не помнить!.. Славное было детство.

– Детство? А по сколько тысяч лет нам было?

Олег с укоризной покачал головой.

– Знаешь, о чем говорю, знаешь.

– Ну, знаю, – ответил Мрак сварливо, – ну и что?

– А то, Мрак, что пора все-таки хоть потихоньку, но вылезать из блаженного детства. Там было хорошо, уютно, понятно, красиво, а мы были героями в любой ситуации. А сейчас вот неуютная взрослость. Инстинктивно хочется обратно в теплое, детское... Но надо взрослеть, Мрак, надо! На самом деле здесь во взрослости намного больше радостей, чем в том мире замков, рыцарей, алхимии и крестовых походов.

Тигги вернулась, посматривала на обоих с улыбкой, мужчины любят вспоминать детство, совместные игры, мало кто миновал участи побывать мушкетерами, пиратами или джедаями. Мрак в свою очередь поглядывал на нее, довольный, как огромный кот, счастливый, только не мурлыкающий. Тигги покраснелась, зарплата гуманолога не позволяет делать такие покупки, на одну бутылку шампанского уйдет месячная зарплата, что же это за люди такие, если олигархи, то почему пешком, без охраны, без лимузинов, личных шоферов и телохранителей?

Олег без эффектов откупорил, наполнил фужеры, Тигги растерянно захлопала глазами, у нее никогда такой красоты не было, неужели эти двое их тоже заказали вместе с шампанским, как будто знают, что у нее всего пара простеньких

рюмок, даже не рюмки, а так, одно недоразумение.

– За прекрасную хозяйку, – сказал Олег, поднимая фужер. – Она спасла нас от холодной ночи, когда температура понижается... ладно, до каких-то жутких значений! И вообще, она удивительная.

Тигги спросила кокетливо:

– Температура?

Мрак вскрикнул:

– Ура!

И протянул бокал со всеми чокаться. Тигги держала в руках тонкую ножку, чувствуя, что никогда у нее или ее подруг такой красоты не было, никогда такого удивительного изящества и красоты не видела, даже не предполагала, что такое возможно, просто дух захватывает, ну как же такое можно сотворить человеку...

Прибежал Барсик, начал карабкаться на колени к Мраку, но Олег подхватил под мягкое наеденное пузо и взял к себе. Барсик вздохнул, посмотрел на Мрака с укором, потоптался и лег с тяжелым горестным вздохом.

Олег искоса посматривал на Мрака, мысль продолжала работать холодно и четко. На примере Мрака видно, что подсознание иногда загоняет вглубь и очень яркие воспоминания прошлого, дабы не бередить раны, но как же тогда с переселением в машины, у нормального человека все воспоминания... нет, не забыты, а в подвалах за семью замками. Чтобы добраться до них – нужно титаническое усилие, хотя

иной раз что-то вылезает и непрошеное, казалось бы, совсем забытое, никчемное, ничего не значащее, вдруг вспомнится родной лес или узор на рубашке незнакомой женщины...

Но при переселении в компьютер произойдет переход на электронный уровень, все воспоминания станут одинаково яркими и доступными. Не сойдет ли человек с ума? Не рухнет ли от внезапно нахлынувшего изобилия звуков, красок, картинок, пережитой боли, страданий, противоречий? Ведь на самом деле в одном человеке – несколько личностей, чем старше, тем их больше, и более поздние нередко думают и живут совсем не теми идеалами, чем ранние версии.

– Ура, – ответил он несколько запоздало. – Знаете, Тигги, мы слишком много работаем, побыть в тепле и уюте выпадает редко. Тем более нам приятно... да что там приятно!.. просто счастливы вот просто так посидеть за столом, побыть людьми. Просто людьми.

Мрак взглянул предостерегающе, Олег изогнул губу, мол, это всего лишь женщина, к тому же красивая, ей прямо в глаза все скажи открытым текстом, и тогда не поверит, у людей на защите от новых идей хороший консерватизм, иначе все человечество давно бы белело костями на дне пропасти.

Тигги пригубила шампанское, глаза заискрились, на длинных ресницах появились крохотные бусинки. Все это время не отрывала взгляда от Мрака, но, когда заговорила, обращалась к Олегу, женским инстинктом ощутив в нем главного:

– Если не секрет, чем занимаетесь в этой жизни?..

Мрак сдвинул плечами, ответил за Олега, вдруг да брякнет что-то в лоб:

– Чем только не занимаемся... Ты ешь лангуста, ешь! Хочешь, я для тебя его разделаю, как Таргитай черепаху?

– Кто такой Таргитай?

– О, это такой бог...

Олег смотрел на Тигги пристально, ответил внезапно очень серьезно:

– Знаете, Тигги, у нас с вами дивно схожие профессии. Только ваша уже обозначилась, а нашей еще и названия не придумано. Однако мы тоже занимаемся человеком... следующей формации.

Мрак удивленно и предостерегающе посмотрел на Олега. Тот чуть кивнул, мол, эту потихоньку можно допускать к секретам, они скоро перестанут быть секретами.

– Как здорово! – воскликнула Тигги. Глаза сияли. – А чем, конкретно?

– Сейчас... нанотехнологиями, – сказал Олег. – Той частью, что обеспечит вас работой надолго. Только, увы, сейчас заняты не столько научной, сколько... гм...

– Проблемами безопасности? – подсказала она.

– Откуда вы знаете? – удивился Олег.

Она улыбнулась.

– А вы с другом очень похожи на таких. Да и деретесь... Вы хоть и не дрались, но я же чувствую!

– А-а, – сказал Олег, – вот чем мы себя выдали!

Мрак принял сокрушенный вид, Тигги победно улыбалась.

– Так в чем у вас проблема с безопасностью?

Олег ответил очень серьезно:

– Нанотехнологии, к сожалению, разрабатываются в разных странах. Вообще-то, по большому счету, это хорошо, это прекрасно, но в нашем неустойчивом мире... чревато. Да что там чревато, понятно же, что в первую очередь и нанотехнологии все неизбежно применят в драчках. Между странами, группами, обществами. Как бы Штаты весь мир ни напрягали своей дуростью, чванством, засильем шоуменов в политике, все же придется согласиться, что в интересах сохранения биологического вида людей все разработки в области нанотехнологий надо предоставить им и только им. И право разрабатывать нанотехнологию дальше.

Мрак присвистнул, но промолчал, Олег выглядит как никогда серьезным. Тигги тоже посерьезнела, даже забыла, что у нее на вилке розоватое нежное мясо омара, которое никогда не пробовала.

– Даже если нанотехнологию, – продолжил Олег, зеленые глаза поблескивали, как изумруды на свету, – будут разрабатывать в дружественных странах, это дестабилизирует все отношения, приведет к новому переустройству мира, на планете появятся новые центры влияния. На фиг, разве что разработку сделать абсолютно открытой и для Штатов? Причем не по старинке, когда инспекторы ООН могут приехать и

осмотреть, а с постоянно работающими телеэкранами, следящими устройствами, записывающими все разговоры, шумы, звуки, передвижения?

– Будет крик, – предупредил Мрак, – и обвинения в засилье.

– Это и будет засилье, – огрызнулся Олег. – Засилье зажавшихся Штатов, которое будет раздражать более культурные страны еще больше, чем сейчас! Но, во-первых, существование биологического вида людей дороже, чем чьи-то амбиции, пусть даже справедливые, а во-вторых, культура все-таки должна способствовать прогрессу, а не тормозить, не вставлять палки в колеса! Мне все больше импонирует простая и грубая культура Штатов, пока еще поверхностная, но с огромной жизненной силой, чем глубокая и богатая, но впадающая в летаргический сон, культура стран Европы. Да еще и заживо разлагающаяся за последние десятилетия... Да, так вот, естественно, в штыки примут нанотехнологию страны Ближнего Востока, ибо нанотехнологиям нефть не нужна, она в состоянии черпать из солнечных лучей, из воздуха, из почвы. Да уже известно, что крупная финансовая группа, пышно названная «Anti-nanotech World Movement», начинает планировать акции против нанотехнологий, начиная с выступлений гуманитариев – этим только дай покричать о бесчеловечности машин! – до настоящих террористических групп, оснащенных на этот раз очень серьезно, вплоть до атомных бомб «чемоданного» варианта,

ибо с появлением наномашин власть нефтяных шейхов рухнет целиком и полностью.

Глава 8

Тигги смотрела на Олега с открытым ртом, испуганными глазами, изредка поглядывая на Мрака. Пришла рыжая кошка, потерлась о ногу, провела высоко задранным хвостом по ноге Мрака, но ее никто не заметил.

Мрак пробормотал:

– Ну, ты и зверь...

– В чем? – спросил Олег.

– Чтоб все отдать Штатам!

– А ты не знал?

– Но не все же!

Тигги тоже смотрела встревоженно, с неодобрением, во взгляде снова начала проступать неприязнь к этому человеку, который не пришел на помощь Мраку в схватке с вооруженными хулиганами, возможно, бандитами.

– А как иначе? – ответил Олег горько. – Я бы не отдал, если бы можно не отдать. А так смотри, сейчас оружие массового поражения легко обнаружить и без разрешения страны-хозяина, верно?.. А с нанотехнологиями такое не пройдет. Даже с обычными вооружениями все просто: достаточно побить самолеты, танки, разрушить мосты и коммуникации – и война выиграна, а когда дело имеешь с нанотехнологиями, то завод по выпуску смертельных ассемблеров можно разместить, как я уже говорил, в картонной коробке из-

под кроссовок! К тому же часть ассемблеров будет запрограммирована на быстрое строительство новых таких фабрик, так что, сколько их ни уничтожай, если еще отыщешь, новые будут вырастать быстрее, чем грибы! Выход один: не позволять нигде и никому заниматься нанотехнологиями, а только «своим». Да и то – под пристальным надзором десяти телекамер. Даже дома у таких людей должен записываться на диск каждый шаг, каждое слово!.. Да, ущемление свободы, но за сохранение вида человека никакие ущемления отдельных человечков не покажутся чрезмерными.

Он придвинул тарелку с прожаренным бифштексом и принялся орудовать ножом и вилкой. Барсик приподнялся, посмотрел на стол и снова лег, прикрыв мордочку лапкой. Тигги молчала, все тихо, мирно, такие чудесные цветы, а тут такая горечь в словах, даже не по себе, что же у них за работа такая, я просто не понимаю... Мрак тоже молчал. В полной тишине она проговорила осторожно:

– Но, наверное, это не только от вас зависит?

Мрак тут же кивнул, да, конечно, кто мы такие, у нас же одни мускулы, зато какие, но Олег ответил все с той убийственной серьезностью и обстоятельностью:

– Если бы! К сожалению, пока что наши слова просто стопудовые. Это на производство автомобилей повлиять не можем, слишком их много, а фирмы во всех странах, но нанотехнологии в одном-единственном институте! Исследования, конечно, в десятке стран, но приступили к созданию ас-

семблера только в одном, всего лишь в одном. И от нашего мнения, в самом деле, зависит... гм... А мне, честно говоря, всегда хотелось спихнуть бремя решения на кого-нибудь постарше и поумнее.

Она кивнула, все верно, пусть те и решают, не поняла, чему невесело ухмыльнулся Олег, почему всегда теплые коричневые глаза его друга стали грустными.

– Это доверили решать вам? – спросила она неверяще.

Мрак замаялся, а Олег ответил глухо:

– Доверено.

Она не поняла, какая разница между «доверили» и «доверено», однако, посмотрела на их серьезные и торжественные лица, смолчала, чувствуя, как по комнате незримо пронесся холодный ветер.

После завтрака мужчины вышли на балкон, Олег держал мирно спящего Барсика на руках. Тигги быстро побросала посуду в моечную машину, а когда вышла на балкон следом, глаза округлились: в руках мужчин высокие хрустальные бокалы с янтарным вином, крохотные пузырьки воздуха бурно устремляются к поверхности, Барсик все так же спит в ее кресле.

Мрак весело улыбнулся, Тигги вздрогнула и едва не разжала пальцы, ощутив в руке холодное стекло фужера, Мрак сказал с чувством:

– Красивый вид с твоего балкона!

– Да... ну да, – пробормотала Тигги, украдкой попыталась определить, где прячут бутылку, видела же, что шли на балкон с пустыми руками, – ничего... мне тоже нравится. А вон там река, видите?..

Олег в разговор не вступал, отрешенно и с таким напряжением всматривался в город, будто он и есть главный архитектор, получивший задание все перестроить, переделать, но так, чтобы и овцы целы, и волки сыты, и пастуха с собакой не съели.

Мрак сказал весело:

– Что река, она сейчас в бетоне, выпрямленная, как в тюрьме, а со следующего года вообще упрячут в трубу, чтобы места больше для автомобилей, ты мне скажи...

Он сделал паузу, всматриваясь в нее очень по-мужски, Тигги заранее хихикнула, но в это время в клипсе мягко прозвенело, Тигги виновато взглянула на Мрака, произнесла тихо: «Связь», прислушалась к негромкому голосу из клипсы, губы дрогнули в виноватой улыбке.

– Виктория, спасибо, но не смогу... Сожалею... Что? Откуда ты знаешь?

Она бросила быстрый взгляд на Мрака, щеки окрасились нежным румянцем. До Олега доносились отзвуки голоса, в его воображении возник образ высокой женщины с холодным волевым лицом, глазами серого стального цвета, светлыми волосами, зачесанными прямо и собранными на затылке в небрежный узел, хорошей фигурой, в которой ни капли

секса или женственности, но прекрасная спортивная подготовка, шейпинг и даже, возможно, бодибильдинг.

– Ну, Виктория... – проговорила Тигги совершенно смущенным голосом, – ну ты такое говоришь...

Мрак весело посмотрел на Олега, перевел взгляд на Тигги и предложил заговорщицки:

– Подруга?.. Красивая?.. Зови в гости!.. Чтобы Олег не смотрел на меня с такой завистью.

Тигги застеснялась еще больше, отвернулась к окну и проворчала:

– Не знаю... ты не так все поняла...

Мрак подмигнул Олегу:

– Видишь? Строгая у нее подруга. Сразу чертей высыпала.

А Тигги говорила совсем тихо:

– Я не успела приготовить материалы... Ну, Виктория!.. Ты же знаешь, я человек обязательный, но так получилось... Нет, не всегда... Давай к завтрашнему вечеру, хорошо?

Олег сказал негромко:

– Тигги, пусть приезжает за материалами. Мы с Мраком успеем приготовить к ее приезду.

Тигги покосилась на него испуганным взглядом, темным и круглым, как у птицы, явно не поверила, но наткнулась на очень серьезный взгляд Мрака, тот кивнул, подтверждая слова друга. Все еще колеблясь, она проговорила вздрагивающим голосом:

– Виктория... но вообще-то... кое-какие заметки я дела-

ла... Приезжай, постараюсь к твоему приходу все скомпоновать... Только не спеши, ладно! А то ты сразу... да, хорошо... До встречи.

Она повернулась к ним, на щеках все еще румянец, вскрикнула с испугом:

– Да вы знаете, на что меня подбили?

Мрак поинтересовался:

– На что, пупсик?

– Я должна подготовить для нее большой статистический материал по росту антисоциальных конфликтов!.. Да не просто в нашем районе, а по всему миру!

Мрак кивнул, сказал одобрительно:

– Молодец эта Виктория. Что ей район, все мы теперь не занимаемся ничем мельче человечества. А какой ей объем?

– Не знаю, – воскликнула она. – Я не успела даже поискать материалы! А еще надо проанализировать, систематизировать, вывести графики...

Мрак поинтересовался:

– Кем она работает?

– Директор Института Социальной Напряженности, – почти выкрикнула Тигги. – Господи, через полчаса будет здесь...

Тихий стрекот заставил ее повернуть голову. Лазерный принтер быстро-быстро выстреливал листки, те ложились аккуратной стопкой. На некоторых мелькали яркие цветные схемы, графики, другие состояли из одних колонок цифр,

третьи рябили убористым шрифтом, некоторые абзацы выделены цветом, другие – курсивом, гарнитурой, иным начертанием букв.

– Это ваш отчет, – ответил Олег на ее недоумевающий взгляд. – А в конце две страницы с рекомендациями.

Мрак добавил:

– Тебе, как специалистке по гуманистике, приятно держать листки настоящей бумаги? Старинной! Говорят, древние китаезы изобрели. Брехня, конечно. Я-то знаю, кто ее изобрел...

Тигги пролепетала:

– Да, приятно, да... Но... ничего не понимаю...

Мрак отмахнулся.

– Все просто, Тиггушка. Мы недавно как раз сталкивались с подобной проблемой. Головы и сейчас забиты всякой ерундой. Этими данными, цифрами, графиками...

Она все еще смотрела ошалело.

– Да, но... Я все собиралась пачку бумагу купить, у меня месяц назад, как кончилась.

Мрак зло посмотрел на Олега.

– Ну, наверное, ты забыла. Или Олег увидел, что в лотке нет бумаги, взял и положил. Он у нас аккуратист, все хрустальный дворец строит вместе с Чернышевским, а я вот, как Федор Михайлович, камнем из подвала в стену этого дворца...

Раздался звонок, на экране домофона появилось лицо, как и предполагал Олег, молодой женщины: строгое, волевое, с глазами серого, даже стального цвета, золотые волосы гладко зачесаны и собраны на затылке в узел, высокие скулы, взгляд сильного решительного человека. Разве что губы не узкие и бледные, как нарисовал ее облик Олег, а достаточно полные, хотя, возможно, это косметическое ухищрение.

– Привет, Виктория, – произнесла Тигги дрожащим голосом, – входи.

Изображение исчезло, а через минуту запоры отщелкнулись, в прихожую вошла высокая спортивного вида женщина в очках с массивной оправой, бизнес-вумен, как сразу сказал себе Мрак. А потом еще и добавил: хуже – ученая вумен, а это ваще туши свет, не то, что не женщина, вовсе не человек.

Женщины обнялись в прихожей, Олег и Мрак встали, рассматривали гостью, пока та сердито выговаривала засмутившейся подруге. Оба сразу обратили внимание на красивые, но несколько громоздкие очки, Олег узнал систему Blue Gene-2, что передает изображение на сетчатку глаза. Общаться с этим специализированным компьютером можно как голосом, как и лицевыми мышцами, хотя на дужках предусмотрены и множество сенсорных кнопок управления, плюс дополнительные настройки, фильтры. Значит, понял он, даже сейчас эта Виктория подключена к глобальной сети, в любой момент может отыскать, отсортировать и выбрать нужную информацию.

Мрак слегка приподнял бровь, указывая Олегу на особые компьютерные фильтры в очках, только-только вышли из лабораторий, стоят баснословно дорого, но скоро, конечно же, подешевеют, станут доступными для менее богатых, а потом и для большинства. Олег всмотрелся, взглянул на Викторию уважительно, там все по полной программе: можно увеличивать изображение удаленного предмета, усиливать четкость, контрастность, при ходьбе по улице красными огоньками подсвечиваются опасные зоны, к примеру, окрашенные скамейки, ступеньки, ямки, бугорки, в то же время полностью отсутствуют средства совершенствования ландшафта или пририсовки улыбок сердитым людям, что, конечно же, поставила в своих очках Тигги.

Мрак тоже обратил внимание на очки, но он, как заметил Олег, в первую очередь заглянул, не пользуется ли она корректировочной программой, что позволяет превращать лица тех, на кого смотрит, в карикатурные, пририсовывать им усы или отвислые губы, а также «снимать» одежду.

Они обменялись взглядами, только вчера говорили о том, что скоро появятся такие очки, а потом плавно перейдут в имплантанты прямо в мозг. Там, правда, функции будут значительно расширены, понятно, но основной останется все-таки обработка информации, поступающей от глаз, слуха, осязания, все это будет подвергаться такой же корректировке, как уже подвергается, только еще большей, постепенно стирая грань между реальностью и виртуальностью.

– Ну, что мы здесь стоим, проходи, – защебетала Тигги.

Олегу показалось, что она суетится и чуть ли не машет хвостиком, как делает Барсик, когда нашкодит. С балкона прибежал вприпрыжку щенок, с дружелюбным интересом уставился на нового человека, подбежал и принялся прыгать вокруг Виктории, приглашая играть.

Олег подхватил щенка на руки, женщины вошли в комнату, Виктория – строгая, как школьная учительница перед провинившимися учениками, Тигги с пылающими щеками, Олег взглянул на нее с сочувствием, что делать, центральная нервная система человека сформировалась задолго до возникновения цивилизации, если и развивается, то черепашьими темпами, просто не видно ей ничего нового, зато техническая эволюция шла сперва линейно, потом возростала в геометрической прогрессии по закону Мура, а теперь вообще по экспоненте. Не все могут принять эту жуть, это потрясение. Большинство просто не желают смотреть, и Тигги, хоть и вроде бы не домохозяйка, а продвинутый гуманолог, тем не менее, упорно смотрит мимо, зато Виктория жадно стремится к будущему.

Странно, что такие разные и – подруги. Хотя знающий психику человека сказал бы, что каждая из них стремится к тому, чего недостает ей самой. Олег психику знал плохо, но в этом нет необходимости: миллионы людей упорно роются в душе человека, публикуют сотни тысяч монографий, исследований, докладов – нужно всего лишь копировать все

из глобальной сети, осмысливать и делать выводы.

А Виктория – это нечто. Сильная женщина. Чувствуется стальной стержень, волевая, целеустремленная, жадная до работы. Конечно же, такую оскорбит любое упоминание о стирке, хождении по магазинам и приготовлении пищи. Ясно и то, что в ее квартире все автоматизировано, что если и готовила когда-то сама, то это было в древнее время, так это лет десять назад, а то и все одиннадцать, когда еще не знали никаких автономных кухонных комбайнов, даже кухонь, что сами заказывают нужные продукты, получают, готовят и подают на стол, а потом утилизируют остатки.

– Это Олег, – пролепетала Тигги робким голосом, – Это Мрак... Ой, Виктория, не бей меня, пожалуйста! Если бы ты знала, что произошло!

– Догадываюсь, – произнесла Виктория ледяным голосом. Она окинула обоих испытующим и явно недобрый взглядом. – Поэтому у тебя, конечно же, и не отыскалось времени...

Олег прервал с самой любезной улыбкой:

– Тигги скромничает. Она все сделала. Вот ее работа.

Виктория взяла всю пачку и, не присаживаясь к столу, быстро просматривала, начиная с первого листка. Скептическое выражение вскоре исчезло, взгляд серых глаз стал внимательным, острым, а, начиная с четвертой страницы, брови поползли вверх. Тигги следила за ее лицом со страхом и волнением, пугливо оглядывалась на Мрака. Он подмигнул ей,

обнял за плечо и прижал к себе. Она незаметно попыталась освободиться, пока строгая подруга не увидела, Мрак не пустил, и она отдалась этому странному чувству защищенности и надежности, которое пока что не испытывала ни с одним мужчиной.

Олег сказал вежливо:

– Да вы присядьте... э-э... Виктория.

Свободной рукой отодвинул кресло, другой прижимал к груди брыкающегося Барсика. Виктория с бумагами в руках подошла к столу, Олег галантно придвинул и, когда она села, опустил на соседнее сиденье. Барсик тут же свернулся клубочком и заснул. Ее глаза не отрываются от бумаг, взгляд бежит по строчкам быстро, мгновенно собирая информацию, глотая целыми кусками, блоками, переваривая, раскладывая по этажам и полочкам, а где-то и выстраивая новые стенки.

На короткий миг ее взгляд оторвался от листков, Олег буквально ощутил укол, когда их глаза встретились, вроде бы даже сверкнула молния, и послышался лязг столкнувшихся сабель, затем она чуть раздвинула губы в подобии улыбки.

– Вы были правы, предлагая сесть. Здесь материал на докторскую диссертацию. Но стиль совершенно не Тигги. Больно все резко и напористо... О, здесь еще и рекомендации? Минутку, минутку...

Она углубилась в чтение. Лицо становилось все серьезнее, Олегу даже показалось, что вытягивается, как у голодающей лошади, что из гордости отказывается есть простое сено, ро-

зовые мочки ушей побледнели. Мрак помалкивал, Тигги замерла, устранившись от разоблачения.

Наконец Виктория подняла глаза от бумаг, взгляд стал очень строгим и серьезным.

– Все, что предлагаете, – произнесла она, – слишком радикально, чтобы вот так взять и... Но в то же время, каждое предложение обещает немедленный результат. Я просто не знала, что... В своей самоуверенности полагала, что я – единственный специалист в этой области. По крайней мере, единственно заслуживающий внимания, остальные только болтуны и прожектеры. Но эта работа... Кто вы?

– Мы просто помогли Тигги, – ответил Олег. – Вот с вечера корпели всю ночь над этой докладной запиской. Да-да всю ночь... значит, э-э... корпели.

– Очень даже корпели, – подтвердил Мрак. И с удовольствием повторил понравившееся слово: – Именно корпели!

Виктория взглянула на стол, где среди блюд с жареной птицей, морскими раками, кальмарами и модифицированными фруктами гордо высятся две бутылки дорогого шампанского, элитного коньяка и чего-то подозрительного в глиняном кувшинчике, перевела внимательный взгляд на Олега.

– Да, – согласилась она ровным голосом, – я вижу.

Тигги жалобно пискнула:

– Виктория... но ведь, тебе эти бумаги подходят?

Виктория оглядела ее с головы до ног. Взгляд был задумчивым, сострадающим, но в нем промелькнуло и нечто иное,

далекое от сострадания.

– Не понимаю, – произнесла она хорошо контролируемым голосом, – почему так?

Мрак, продолжая обнимать Тигги, подвел ее к столу и усадил напротив Виктории, сам сел рядом, а рядом с Викторией уже сидел Олег.

– Зачем ломать голову, – ответил он жизнерадостно, – почему так, а не иначе? Природа знает, что человеку делать!.. Позвольте, я вам налью... Коньячку?

Виктория взглянула на жизнерадостного здоровяка холдно-ватно:

– Может быть, еще и трубку предложите?

Олег вмешался:

– Мрак, позволь мне самому.

Мрак с изумлением наблюдал, как Олег, передав ему недовольного щенка, галантно наполнил Виктории высокий бокал, не пролив ни капли, предлагал ей то красную рыбу, то икру, а она благосклонно принимала его услуги, но взгляд ее серых глаз был все таким же строгим, холодным и оценивающим, и когда их бокалы соприкоснулись, спросила в упор:

– Теперь колитесь. Вы давно занимаетесь этими проблемами?

– Давно, – солгал Олег, не моргнув глазом. – Но мы с вами не конкуренты. Мы работаем совсем в другой области.

– В какой же?

Тигги сказала торопливо:

– Виктория, что ты учиняешь допрос за столом? Ты посмотри, какие вкусные эти раки!

– Это омары, – поправила Виктория холодно. – Я не знала, что ты умеешь готовить омаров.

– Она все умеет, – заверил Мрак. – Она столько всего умеет... Я даже не ожидал.

Тигги зарделась, Виктория поморщилась, взгляд подтвердел, теперь там блистала остро отточенная сталь.

– Меня пугает не конкуренция. Вы, такой специалист, так легко отыскавший наиболее уязвимые точки, должны работать только над этими проблемами. Вы разбираетесь, признаюсь честно, лучше, чем я.

Тигги ахнула, сделала большие глаза. Олег оставался серьезным, подлил ей шампанского, голос его был сочувствующим:

– Мы работаем над проблемами нанотехнологий. В смысле, защиты.

– От?

– И от тоже, – ответил он спокойно, – но пока что защищать приходится сами технологии.

К бокалу с шампанским Виктория не притронулась, а когда Мрак сделал понуждающий жест, покачала головой.

– Воды, – попросила она чистым, как дистиллированная вода голосом. – Желательно, без примесей.

Тигги наморщила носик, тут двое таких мужчин, а она с какими-то глупостями, но Мрак не удивился и, оставив щен-

ка дремать в кресле, сам сходил на кухню и вернулся с большим тонкостенным стаканом, Тигги вскинула брови, а потом все-таки наморщила лобик, стараясь понять, где же отыскал такое, что-то не припомнит этот огромный стакан, видно, за-таился где-то на антресолях среди забытых вещей.

– Чище не бывает, – сообщил Мрак и с улыбкой поставил перед Викторией.

Она с недоверием пригубила, тоже вскинула брови.

– Гм, не думала, что у Тигги отыщется дистиллированная вода... Спасибо!

– Не за что, – ответил Мрак скромно. – Всегда к вашим услугам.

Глава 9

Олег присматривался к Виктории с живейшим интересом. То, что в ней все имплантанты, созданные на это время технологией, заметно опытному глазу. Да эта Виктория и не старается особенно прятать, как раньше тщательно скрывали следы от косметических операций. Придерживается набирающей силы моды «техносекс», новая веточка старого «унисекса», хотя могла бы и среди красивых женщин занять достойное место: прекрасная развитая фигура, небольшая крепкая грудь, длинные золотые волосы, стройные ноги, аристократичное лицо с крупными глазами, длинные густые ресницы, точеный нос и полные губы, которые всякий назвал бы чувственными, если бы не боялся схлопотать по морде.

Она перехватила его изучающий взгляд, спросила ровным голосом:

– Так как вы все-таки сумели справиться с этим материалом?

Он ответил любезно:

– Вы сейчас подключены к Интернету? Загляните на ресурс мобаналитиков, у вас наверняка там закладка, а оттуда по веточке...

– Я догадываюсь, – перебила она, – откуда вы почерпнули информацию, хотя сейчас проверить не могу, я не в состоянии раздваиваться. Но я говорю о выводах! Как вы сумели

сделать такую блестящую работу?

Он улыбнулся одними глазами, прямо взглянул ей в лицо.

– Я могу раздваиваться, – сообщил он. Подумал и добавил осторожно: – А также растраиваться.

Она задохнулась, едва не выронила бокал, глаза ее быстро шарили по его лицу. Вдруг во взгляде появилось сомнение.

– Если это не шуточка насчет растраивания...

Мрак заверил:

– Виктория, у Олега чувство юмора на точке замерзания. Он просто не знает, что это такое. Уверен, вам такой понравится.

Она перевела взгляд на Олега, Олег чуть улыбнулся.

– Признаюсь, у меня с этой игрой слов, в самом деле, туго получается. Я всегда добивался ясности мысли, а мне предлагали либо перестановку звуков в слове, либо иное толкование известного термина, либо еще какой-то прыжок в сторону от сути вопроса, и всякий раз начинали гоготать... Не понимаю!

Ее взгляд внезапно стал мягче, даже голос утратил металлические оттенки, когда произнесла с сочувствием:

– Зато я вас понимаю. Но так обрекаете себя на одиночество. Юмор – это защита слабых от жестоких реалий жизни! Это вынужденное бегство от правды... но чтобы это бегство не выглядело позорным, человек делает вид, что не бегство вовсе, а так, куда хочу, туда и двигаюсь. Даже, если бегом, роняя вещи. Дескать, вовсе не от реалий, а просто восхоте-

лось бежать в ту сторону, а там сунуть голову в песок.

Он криво улыбнулся.

– Спасибо.

– Да не за что.

– В самом деле, – сказал он серьезно, – спасибо.

Тигги округлила глаза, сказала Мраку жарким шепотом на ухо:

– Смотри, у них с твоим другом даже разговор... И еще не подрались!

– А что, – спросил Мрак, – она кусачая?

– Да ты что? Если бы только кусачая! По-моему, она только и делает, что бодается, царапается, лягается, вообще может мокрого места не оставить! К ней один тут второй год клинья бьет, красавец мужчина, крупный ученый, виднейший космогинеколог...

Мрак сперва подумал, что ослышался, переспросил:

– Космо... как?

– Космогинеколог!

Мрак спросил ошалело:

– Он что, в космическом госпитале работает? Роды принимает у всяких звездных чудовищ?

Она хихикнула, игриво стрельнула глазками.

– Я точно так же подумала. Оказалось, самая главная ветвь астрономии, представляешь?

– И чем занимается эта ветвь? Надо же – космогинеколог!

– Рождением нашей Вселенной, чем же еще? Нет, гово-

рит, более важной проблемы, чем понять, откуда и как все взялось. Если это поймем, то все остальное станет, как на ладони. Не знаю, может быть, и правда, но мне гораздо важнее заниматься человеком, чем всей Вселенной.

Мрак поддакнул:

– Ты права, человек важнее. Разрешаю начать с меня.

Тигги спросила наивно:

– А что такое нанотехнология? Виктория когда-то пыталась мне объяснить, но...

Виктория фыркнула. Мрак, улыбаясь, объяснил серьезно:

– Ты знаешь, что такое метр?.. А дециметр?.. А сантиметр?.. Миллиметр?.. Так вот, нанометр – это миллиардная часть метра. Примерно четыре атома в длину. Вот и все.

Тигги просияла.

– Так просто?.. Ну почему мне никто так не объяснил? Все только важно надували щеки, говорили непонятные слова... Какой ты, Мрак, умный!

Мрак гордо выпятил грудь.

– Умный? Да, я сам так иногда думаю.

Виктория не сняла очки даже за столом, ведь смотреть вот так просто, как делали дикари, без специальных очков, такая же грубость и дикость, как, к примеру, схватить зайца, загрызть и пожирать, используя только руки и зубы. Точно так же, как зайца сперва нужно разделать специальными инструментами, затем приготовить по сложным рецептам, а потом

есть изысканное мясо на красивом блюде, используя нож и вилку, приправляя перчиком, аджикой, чесноком и прочими специями, так же некрасиво и неэстетично смотреть на пейзажи, людей, здания, машины без специальных очков, обрабатывающих информацию и подающих ее «на блюде» готовой к употреблению, то есть восприятию.

Олег перехватил ее испытующий взгляд, ответил примиряющей улыбкой. Виктория уже начала свое превращение в зачеловека: вмонтированный прямо в ухо микрофон, а крохотный ларингофон закреплен на голосовых связках, что позволяет вести переговоры беззвучно, сложная программа правильно расшифровывает колебания и переводит в слова. Правда, сам ларингофон великоват и дорог, и научиться им пользоваться непросто, потому в быт еще не вошел, но первые энтузиасты уже юзают всюю...

Мрак придержал Тигги, сказал «я сам», вышел на кухню и тут же вернулся с четырьмя чашками с абсолютно черным напитком. По комнате растекся бодрящий запах кофе. Тигги сияла и гордо смотрела на Victoriyu, та отхлебнула осторожно, посмаковала, кивнула одобрительно.

– Прекрасно! Хотя что-то мужчины умеют. Научите нашу милую Тигги. А то пьет всякую дрянь, думая, что так цвет лица будет лучше. Хуже того, и друзей таким же пойлом пичкает.

– Кофе вредно, – сказала Тигги обиженно. – От него лицо желтеет. Ой, нет, это от морковки желтеет, а от кофе –

коричневее.

– Ну да, – согласилась Виктория. – А от салата – зеленеет.

Олег улыбнулся, а Виктория с отвращением взглянула в сторону телепанели, пробормотала:

– Черт знает, что такое... Почему ты всегда включаешь эту муть?

Мрак оглянулся, Олег по отблеску на противоположной дверце шкафа составил картинку, довольно отвратительную и бодрящую надпись над нею: «Выведу из запоев! Качественно, дорого», хмыкнул, посмотрел на Викторию. Вид ее был грозен.

– Не любите? – спросил он с сочувствием. И подумал, что Тигги права, ее подруга слишком ригористична, – Хотя, вы правы, это трудно любить.

– Любить? – проговорила она с холодным гневом. – Знаете ли, можете считать меня кем угодно, но я бы прямо сейчас отправляла этих людей в газовые камеры! И не надо смотреть на меня с таким ужасом!

Он чуть раздвинул губы в усмешке.

– Не надо ощетиниваться. Я такое же чудовище. Просто вы слишком опережаете других, вот на вас и смотрят так. Но через несколько лет ваши оппоненты будут повторять ваши слова, как свои.

Она переспросила с недоверием:

– Да? Хорошо бы. А что буду говорить я? Каков ваш прогноз?

Он подумал, ответил осторожно:

– Дело даже не в прогнозе... Одна мысль пришла. Пойдемте на балкон, там лучше думается.

Виктория оглянулась на хохочущих Мрака и Тигги, поморщилась.

– Вы правы, здесь шумно.

С утра мелкие тучки часто закрывали солнце, и город то погружался в полумрак, то блистал входящими в моду зеркальными стенами. По снова и снова расширяемым улицам безостановочно струятся потоки автомобилей, компьютерная навигация заранее предугадывает возможные пробки и направляет часть машин по боковым улицам, по четвертому, пятому или шестому кольцу, автомобили спешно устремляются в туннели или хайвеи, город окутан густой информационной сетью, чувствуется присутствие огромных энергий.

Олег держал в руке чашку с кофе, она снова полна, Виктория озадаченно подумала, что какой-то сбой в ее восприятии: кофе выпили все, она видела, но этот человек с суровым и невеселым лицом снова подносит чашку ко рту, делает большой глоток. Взгляд зеленых глаз устремлен вверх крыш ближайших домов.

– Здорово, – сказал он со странной интонацией. – А ведь совсем недавно здесь носились, потрясая копьями, одетые в шкуры люди... Вон там к берегу лепились крохотные избушки, а здесь шумел дремучий непроходимый ни для конного, ни для пешего лес. А потом выросли дома побольше, появи-

лись повозки, коляски, кареты, и вот уже не успели глазом мигнуть, как автомобили на газовом топливе!

Она скупно усмехнулась.

– Как у вас все просто. А по мне так каждый год тянется, тянется, тянется, никак не может переползти из зимы в весну, а из весны в лето... Вы не археолог?

– Нет.

– А похоже.

– Почему?

– Очень красочно расписали, как здесь древние люди жили. Я прямо их ощутила, даже увидела.

Он отмахнулся.

– Пустое. У вас просто яркое воображение. Стимуляторы используете?

– Да, – ответила она спокойно и посмотрела с вызовом. – Это плохо?

– Нет, конечно, – ответил он. – Я вас разочаровал? Простите... Вы так красиво ощетинились, готовы к драке, а я не подставился.

– Вы в самом деле полагаете, – переспросила она с некоторым удивлением, – что это хорошо?..

– Я же сказал.

– А вы сами...

Он покачал головой.

– Не пользуюсь. Но вовсе не потому, что я зеленый или алармист, как вы подумали. Нет, просто мой мозг и так ра-

ботаает... почти на полную мощность.

Она прямо смотрела ему в лицо.

– Судя по материалам о мобагрессии, это так. Но как вам это удастся? Я что-то упустила?

Он замялся в затруднении, она смотрит ему в глаза с жадным вниманием, в глазах мольба: ну скажи же, что еще сделать, какой имплантант вживить, какие допинги использовать, чтобы стать еще сильнее, разумнее, ближе к будущему, которое, конечно же, светлое, чистое, радостное, без всей этой грязи и мерзости, что составляет большую часть нынешней жизни.

– Нет, – ответил он и тоже посмотрел ей в глаза прямо. – Вы сделали все правильно. И все новинки перехватываете вовремя, одними из первых... которые выпускаются для широкого пользования.

Она чуточку отшатнулась, глаза расширились. После скомканной паузы произнесла:

– Для широкого... вы хотите сказать, что вы из тех, кто опробует первые образцы?

Он помедлил, ответил осторожно:

– Можно сказать и так. Я не могу сказать больше.

– Я понимаю, – прервала она. Лицо вспыхнуло радостью, глаза заблестели. – Я понимаю, но как вам повезло!

Он сдвинул плечами.

– Почему? Многие полагают это опасным.

– Да пусть даже так, – снова прервала она. – Но разве

не самое увлекательное быть на острие прогресса? Скажите, что вы испытываете?

Олег помолчал, из комнаты за их спиной раздался взрыв смеха: звонкий игривый – Тигги и могучий довольный рев Мрака. Послышался звон посуды.

– Проверяем очень опасную вещь, – проговорил Олег. – Но прежде, чем ее получит человечество, надо решить массу застарелых и запутанных проблем. И прийти к этому... скажем, могуществу, и готовыми, и с какой-то страховкой.

В ее взгляде промелькнуло некоторое недоверие.

– Могуществу?.. Я говорила только о знаниях. Знаете вы удивительно много. А то, как умеете извлекать информацию из Сети, обобщать и делать абсолютно точные выводы, вообще просто нет слов!

– Насчет абсолютно точных, – ответил он, – не уверен. Точные на сегодня, но завтра условия могут измениться. Одно дело играть в футбол днем в хорошую погоду, другое – ночью при сильном ливне с ветром. Да еще если зимой. А что касается могущества...

Он допил кофе, чашка в его руке мгновенно превратилась в букет цветов. Он протянул ей достаточно уверенно, но Виктория ощутила, что вообще-то этот жест ему несвойственен.

– Раз уж не пьете вино, – объяснил ей скомканно.

Она мгновение смотрела на цветы, осторожно протянула руку, коснулась кончиками пальцев нежных лепестков. При-

слушалась к ощущением. Медленно взяла букет в обе руки, в глазах росло удивление. Олег наблюдал, как с той же осторожностью опустила лицо и вдохнула тонкий аромат, снова прислушалась, затем вообще спрятала лицо в цветах.

– Удивительно, – произнесла она, наконец, поднимая голову. Глаза сияли восторгом. – Удивительно реальная иллюзия! Даже потрогать можно!

– Да, – согласился он. – Да.

– Как вы это делаете? Где ваши имплантаты? Чтобы передать тактильные ощущения, это же какая мощь должна быть у процессора...

Он не сводил с нее взгляда, ответил с иронической улыбкой:

– Разобрал фарфор на атомы, перестроил в другую структуру. Проще бы, конечно, превратить чашку в золотую, а из последней капли кофе сделать коньяк, но для вас я постарался.

Она смотрела ошалело, наконец в глазах появилось понимание, весело расхохоталась.

– Вы шутите, понимаю. А я сперва чуть было не поверила, вы такой серьезный!.. А цветы в самом деле чудесные! И как умело подобраны! Точно такой же букет я видела в ларьке на выходе из метро.

– Оттуда я и скопировал, – признался он. – У меня со вкусом не очень. Если честно, то и на вкус мне медведь наступил, а потом еще и потоптался. Хуже, как говорит Мрак, у

меня только с юмором.

Из комнаты, привлеченные смехом, послышались шаги Мрака. Он появился в дверной проеме, прижимая счастливую смеющуюся Тигги.

– Что за шум, а драки нет? – провозгласил он. – О, какие цветы!

Виктория объяснила:

– Твой друг ухитрился мне преподнести...

– Это мой спер, – убежденно сказал Мрак. – Я заказал для Тигги дюжину букетов. Надо пересчитать!

Тигги сказала конфузливо:

– Мрак...

– А что, – удивился Мрак, – пусть не ворует! Я трудился, заказывал, а он взял и спер! Это как называется?

Виктория переводила взгляд с одного на другого, Мрак веселился, Олег переминался с ноги на ногу, наконец, сказал мягко:

– Мрак, я сказал Виктории, что мы испытываем...

В долю наносекунды перебросил Мраку фрагмент разговора, сделал вид, что замялся, Мрак крякнул, сказал с досадой:

– Ну ладно, раз уж проговорился... Мягкий ты, Олег, слишком!.. Вот так и становятся предателями Родины. Женщины – это такие тва... творения, в смысле, что сразу расколют любого Фому Аквинского до самых Пиренеев. Теперь уж и не знаю, что с вами делать, как старший по званию. То

ли сразу к стенке, то ли позволить последнее слово...

Тигги застыла в ужасе, могучая горячая рука уже не придерживает за плечи, Виктория вздрогнула, перевела неверящий взгляд на Олега.

– Прости, я не думала, что все так серьезно. Но нельзя ли как-то... я могу дать любые подписки о неразглашении. Кстати, у меня самой высокий допуск к конфиденциальной информации, можете проверить!

– Для нас недостаточный, – заявил Мрак, – но все-таки посмотрим, что можем сделать... Та-а-ак, Виктория Агеевна Волк, директор Института Социальной Напряженности, восемь работ по массовой психологии, имеет допуск группы «А» к правительственным архивам, болела свинкой, розовая родинка на правой ягодице... ладно, это опустим, не была, не замечена, не участвовала, привлекалась... стоп-стоп, к чему это привлекалась... гм, к разработке секретного проекта по управлению массами во время празднования в честь...

Виктория вскрикнула испуганно:

– Молчите, это же секрет из группы правительственных! Если как-то получили доступ, уж не знаю как, то все равно не должны такое вслух.

Мрак посмотрел на трепещущую Тигги, сказал задумчиво:

– Да ладно, все равно уже вас надо либо расстрелять прямо сейчас, либо...

Он задумался, подвигал морщинками на лбу. Тигги при-

жала кулачки к груди, глаза стали испуганными, как у овечки. Олег кивнул.

– Я тоже думаю, что можно позволить себе «либо».

Мрак испытующе осмотрел Викторию, Тигги, проговорил веско:

– С этой минуты привлекаетесь к участию в сверхзасекреченной программе! Она очень опасна, хоть и не для вас... вернее, для вас станет опасной, если вздумаете проболтаться. Олег, тебе поручаю бдиль за Викторией. Если только заподозришь, тут же прими меры. Сам знаешь, какие.

– Слушаюсь, – ответил Олег. Взглянул на Тигги. – А ты, конечно же, не спускай глаз с нашей любезной хозяйки. И тоже, если что...

Мрак повернулся к Тигги:

– Слышала?

Тигги судорожно закивала, еще не зная, что обещает, а Виктория, придя в себя раньше подруги, спросила жадно:

– А что вы испытываете?

Олег сказал буднично:

– Жизнь в новых условиях.

Тигги уговорила Викторию помочь ей мыть посуду, как будто и у нее не посудомоечная машина-автомат, хотя, конечно, мужчины не могут заметить такой детали, ушли, но и оттуда Виктория с интересом посматривала в дверной проем. Мужчины остановились перед включенным экраном,

Тигги без работающего телевизора жизни не мыслит, разговаривают серьезно, но на экране ни футбола, ни шоуменов, передача с авиационного праздника, Викторию вдруг пронзило странное ощущение, что они смотрят на экран и видят нечто д р у г о е.

Что-то в этих мужчинах общее, хотя трудно вообразить настолько разных: Олег – воплощение рыцаря-крестоносца, несущего языческому и сарацинскому миру веру Христа огнем и мечом, лицо аскета и подвижника, худое и решительное, высокие заострившиеся скулы, что едва не прорывают натянувшуюся кожу, пронизывающий взор удивительно зеленых глаз, сомкнутые брови и вертикальная складка между ними, что придает взору вид испепеляющей интенсивности, тонкий нос, сомкнутые губы и твердые складки по бокам, от них впечатление сосредоточенной задумчивости.

Мрак чуть крупнее, шире в плечах, грудь вздута могучими мышцами, но ощущается, что выросли сами по себе, есть люди, что не заботятся, чтобы их наращивать упражнениями, им все дается легко: дружба мужчин, внимание женщин, добыча в лесу, даже в покере выпадают нужные карты. Он и выглядит благодушным от осознания силы, как физической, так и душевной, всегда готов поделиться, вот и Тигги подобрал и пригрел, как потерявшегося щеночка, в то время как его друг, по словам Тигги, равнодушно и даже как будто бы брезгливо ждал в сторонке. Олег – аристократ, который предпочтет позвать полицию, просто из нежелания пачкать

руки о бродяг, в то время как Мрак и с королями будет на «ты», а короли примут это, как должное.

И в то же время в Олеге больше другой силы, которую Тигги, конечно же, ощутить не может. Эта сила не только не расходуется в обыденности, но даже не проявляется. Как в деревне могут смотреть на приехавшего из города погостить академика, как на никчему и неумеху, если тот не умеет плетень починить, грабли наточить, косу направить.

Тигги перехватила взгляд подруги, спросила потихоньку:

– Как тебе они? Что-то в них есть странноватое...

– Что?

– Иногда мне кажется, что они оба меня настолько хорошо понимают, что даже... я просто не знаю!.. Вот и сейчас кажется, что каждое мое слово слышат. Мне Мрак очень понравился, я от него просто балдею! А как тебе Олег?

Виктория пожала плечами.

– Одна знакомая бухгалтерша говорила, что, когда годовой баланс сходится, это такое ликующее чувство, что никакой оргазм не сравнится. Так вот, у меня вообще много чего выше заурядного оргазма.

– А незаурядного?

Виктория посмотрела на подругу внимательно, та сконфузилась, пробормотала:

– Ну ладно тебе, ладно.

– Все оргазмы одинаковы, – сообщила Виктория хладнокровно. – Это все просто, примитивно, хоть и приятно. Но

есть радости и повыше... Олег меня привлекает странным ощущением, что знает намного больше, чем я. И умеет больше. Нет, правда, просто чувствуется, что знает больше. Удивительно, да?

Тигги покачала головой, глаза округлились.

– Конечно! Ты мне иногда кажешься совсем страшной. Нет, не подумай чего, ты очень красивая... по-своему, но у тебя внутри нет женственности, ты вся из железа. А этот Олег такой мягкий и грустный... Ты заметила, какие у него глаза печальные?

Виктория удивилась:

– У Олега? Да это не человек, а компьютер!

– Нет, – ответила Тигги убежденно, – он добрый. Меня интуиция разве подводила? Нет, ты скажи!

– Не подводила, не подводила, – буркнула Виктория. – Есть у тебя некоторое чутье... как у перелетных птиц, оленей или перепончатокрылых. Но если по уму, то Олег – айсберг.

– С чувствительной душой, – упрямо сказала Тигги. – Он, по-моему, в жизни очень много страдал. Из-за женщин.

Виктория фыркнула.

– Ну еще бы! У тебя если страдания, то обязательно из-за мужчин или женщин!

– А у тебя из-за неразделенной любви к Родине? – отпарировала Тигги. – Лучшее уж вот такие... Ладно, вернемся, а то еще чего подумают. Это я старомодная, а ты чересчур продвинутая.

Виктория поморщилась, у кого-то «продвинутая» комплимент, у кого-то оскорбление, а у Тигги просто неодобрение, она по мягкости характера просто неспособна на оскорбление.

Глава 10

Пока женщины шушукались, Олег внимательно рассматривал Викторию. Хотя Яфету говорил уверенно и напористо, но сам далеко не так уверен в своих словах, как старался выглядеть. Человек двадцатого века очень не похож в области морали на человека века Древнего Египта или ацтеков, но между египтянами и современным киберпанком сотни поколений, каждое изменяло человечество чуть-чуть, почти незаметно, а сейчас вот только в одном поколении ожидается разрыв между «человеками» и «зачеловеками» куда больше, чем между кроманьонцами и специалистами по электронике.

Красивая уверенная женщина, по ряду признаков она уже шагнула за грань «нормального» человека. И всеми фибрами души стремится шагнуть, даже прыгнуть, еще дальше. Но как вот такая, типичная представительница техносекса, даже не техносекса, а просто остервенелая технофилка, будет относиться к людям, что остаются по разным причинам за порогом?

Он дотянулся мыслью до ее очков, кивнул себе, так и знал: мир, на который она смотрит, полностью покрыт системой фильтров, которые тоже начинались с простейшей системы целевыделения в военной технике, так раньше отмечали танки, системы ВПО, самолеты и все прочее на экране радара,

относящееся к противнику, а теперь это выросло до динамического редактирования. На всех домах благодаря ее очкам горят надписи, сообщающие все об архитектуре, о корпорациях, работающих внутри, сквозь стены видны опорные балки, опускающиеся и поднимающиеся лифты, системы обеспечения, антенны на крышах окружены голубоватым сиянием: одни сильнее, другие слабее, это учитывается поток радиоизлучения...

Это называется усовершенствованной реальностью в отличие от виртуальной реальности, ибо виртуальная – всего лишь развлечения да полигоны, в то время как усовершенствованная помогает взаимодействовать с миром, каждый видит в нем больше того, что сама обыденная реальность видеть позволяет.

Не выходя из ускоренного режима, он дотянулся до Тигги, заглянул в ее очки, ахнул. Благодаря ее фильтрам над городом сверкает прекраснейшее северное сияние, колышутся изумрудные и багровые занавеси, позвякивают исполинские люстры над миром, милую Тигги не обескураживает, что за северным сиянием выгнулась двойная радуга: неправдоподобно яркая, блестящая, даже не в семь, а в двенадцать цветов. По небу то и дело проносятся хвостатые звезды, вместо одного солнца сразу три, одно из них ярко-зеленое, видны ласковые подмигивающие звезды... Дома цветные, раскрашенные, люди милые и приветливые.

Как же они дружат, мелькнула мысль, у них же нет ни-

чего общего, чего-то я недопонимаю в отношениях между людьми. Виктория рядом с нею просто киборг какой-то...

В Интернете множатся сайты, где энтузиасты в изобилии выкладывают самодельные системы усовершенствованных реальностей, уже сталкивался с явлением, когда какие-то принимались такими большими группами людей, что из самоделки становились разделяемой реальностью, а это качественно иной уровень. Их мир, основанный на событиях и фактах реального мира, все-таки подкрашивает и представляет его в соответствии с запросами, вкусами и желаниями этих людей, а они все-таки разнятся... К примеру, у байкеров и любителей канареек совсем разные требования к миру, у байкеров даже светофоры горят по-другому, а у любителей канареек всюду летают птички и слышатся нежные трели.

Конечно, байкеры не рискнут увидеть вместо красного зеленый, но зато снабжают светофоры надписями, а весь город у них расписан картами и стрелками, везде надписи и предупреждения, где можно развивать скорость, где нельзя, а где близко ГАИ с радаром.

Женщины вышли из кухни, разговаривая, Виктория заметила пристальный взгляд Олега.

– Что-то случилось?

– Да так, – пробормотал он ошарашенно, – конечно, любой человек может жить в любой сказке, которую сам же и нарисует, но... больно страшноватая у вас сказка!

Тигги посмотрела на них поочередно, сказала торопливо:

– Барсик, Барсик!.. Иди ко мне, котеночек!.. Пойдем, я тебе игрушку дам...

Торопливо подхватила щенка на руки, унесла, а Виктория продолжала смотреть на Олега настороженно и внимательно, в серых глазах проступило легкое замешательство.

– Вы все рассмотрели? Действительно все?

– Надеюсь.

– Удивительно, – проговорила она все еще в замешательстве.

– Почему?

– Больно быстро. Но это неважно, если моя УРка обеспечивает меня более адекватной информацией, чем глаза и уши, то не предпочтительнее ли она реальной? Моя УРка заботится обо мне, избавляет от миражей, открывает множество сведений, позволяет смотреть внутрь зданий, снабжает информацией... А разве получение знаний не основное назначение науки? Так что это идеальное средство дополнительных сведений, которые никогда не лишние. А еще и плюс сенсорное восприятие мира.

Он пробормотал:

– Извините, Виктория, я о другом. Вам не страшно в таком мире? Слишком уж он...

– Технологизированный?

– Да. Я сравниваю ваш мир с миром, который видит Тигги.

Она прямо взглянула ему в глаза.

– Олег, можно вам задать один вопрос?

Он ощутил тревогу, ответил с осторожностью:

– Можно. Но ответ не гарантирую.

С дивана, где в позе падишаха развалился Мрак, донеслось мощное фыркание. Виктория помолчала, сказала тихо:

– Тогда спрашивать не стану. Понимаю, что не станете показывать, каким видите мир вы.

Он умолк, не зная, что сказать, всегда проблемы разговаривать с женщинами, все-таки его мир покажется, мягко говоря, жутким и такой продвинутой технофилке, как Виктория. Человек еще не готов видеть даже атомарную структуру мира, не говоря уже о состоящим из элементарных частиц. Он сам чуть не рухнул, пока принимал такую картину, но и то переходит на нее лишь изредка, в случаях острой необходимости. Даже зрение у него чаще всего в узком «человеческом» диапазоне, не включая уже привычное ему тепловое зрение, рентгеновское, а также на гамма-лучах и еще восемнадцать других, для которых еще и термины надо придумывать, а ему достаточно лишь сделать небольшое волевое усилие, чтобы ими пользоваться. В то же время Виктория продвинулась по направлению к его видению мира так далеко, как ни один человек, а это говорит если не в ее пользу, то в пользу его возникшей сумасшедшей идеи.

– Я смотрю, как видите, – ответил он осторожно, – без очков.

Она улыбнулась.

– Спасибо, что не сказали, что пользуюсь наркотиком.

Он спросил шокировано:

– Я мог бы сказать?

– Вы нет, – подчеркнула она, – но уже создано движение за полное запрещение УР. Не слышали?

– Пропустил, – ответил он. – Что я за ворона? Это непростительно!

Она сказала быстро, удивленная такой резкой реакцией:

– Да перестаньте, никто не может знать все на свете. Это движение только-только проклюнулось, вчера выступили за полный запрет, ибо УР якобы всего лишь технологический аналог химических наркотиков! Да-да, подобно наркотикам искажает реально подлинную картину мира.

Он покачал головой.

– Нет, я так не считаю, – ответил он так мягко, что удивился сам. Повторил, прислушиваясь к своим словам: – Да, не считаю... Эта усовершенствованная реальность... хотя термин неверен, точнее бы – усовершенствованное восприятие, ведь речь не о самой реальности, а о восприятии ее... но это так, мелочи.

– Не мелочи, – возразила она живо, – вы абсолютно правы!

– Спасибо.

Тигги осторожно заглянула в комнату, вроде бы Виктория и Олег еще не подрались, удивительно, как они могут вот так сидеть и разговаривать, Виктория уже через две минуты любого мужчину характеризует, как тупого грязного павиана,

после чего перестает его замечать, а сейчас вот сидят и разговаривают очень серьезными голосами с серьезными лицами.

Оглянулась, Мрак развалился на софе и рассматривает ее с ленивой насмешливостью.

– Что, нашла коса на камень?

– Да, – призналась она несколько растерянно, – Виктория его еще не убила!.. Хотя он тоже немножко такой... такой...

Она запнулась, подбирая слово, Мрак подсказал:

– Умный?

– Да. И строгий.

– Это да, – вздохнул Мрак. – Мы с ним ровесники, но я так ничему и не научился. Просто жил, во мне нет таких кладезей знаний, как в Олеге. Он сперва долго всему учился, потом сам что-то измысливал, а во мне накапливалась только житейская мудрость, да и то сама по себе. А вот он, гм...

Коричневые глаза рассматривали ее с ласковой снисходительностью. Тигги покраснела, выпрямилась, чтобы груди приподнялись, пусть смотрит лучше сюда, у нее великолепная грудь, все мужчины говорят в один голос, спросила несчастным голосом:

– А я кажусь тебе дурочкой?

– Ты же красивая, – утешил ее Мрак.

– Значит, дурочка? – сказала Тигги с вызовом. – А ты знаешь, что я один из трех ведущих специалистов по мокрой подписи? Да не в нашем микрорайоне, а в мире?

Мрак вытаращил глаза, подумал, переспросил:

– По... чем-чем? По мокрой майке?

– По мокрой подписи, – повторила она громче. – У тебя пробки в ушах? Я вижу, волосатые!..

Мрак торопливо кивнул:

– Да-да, а кто спорит, я того самого в рыло. Верю-верю, ты ведущий специалист по этой самой... мокрой. Но вообще-то какие-то странные у вас специалисты. На фига эту подпись мочить, прости за такое грубое слово?.. Или это не специалисты мочат, а... другие? А вы только исследуете эту намокшую, намоченную, намокшую подпись?.. Как патологоанатомы, да?

Она смотрела с улыбкой полнейшего превосходства.

– Остри-остри.

Он взмолился.

– Прости, профана, но я никогда еще не был таким серьезным! Что такое мокрая подпись?

Она сказала милостиво, но чувствовалось по ее тону, взгляду, вздернутому носику, что другого бы стерла в порошок, только для него, Мрака, делает исключение, но пусть не наглеет, это она сегодня такая добрая, да и потому что сам Мрак ничего, клевый мужик:

– Ты хоть что-то слышал о рукописании?...

Мрак подумал, подвигал складками на лбу, взглянул исподлобья, настороженно, так ли понял, а то понять можно по-всякому, у него уже с десятков вариантов вертится на язы-

ке, и все не при женщинах, поинтересовался:

– Это когда рукой... буквы?

– Да не просто рукой, – ответила она с нажимом, – рукой можно и на клавиатуре набивать. А когда берешь рукой вот так... и пишешь буквы! Раньше так целые письма писали. Представляешь, выводили букву за буквой. Целые слова. А из них составляли слова, фразы.

Мрак взглянул широко распахнутыми глазами, рот разинул, переспросил:

– Неужели так было?

– Представь себе, – подтвердила она победно. – В старину так целые книги переписывали! Библиотеки из таких книг. Нет, ты такого вообразить не сможешь!

Он содрогнулся, сказал поспешно:

– Нет, конечно. Что за дикость, что за дикость! По мокрому, говоришь, писали?

– Нет, бумага бывала сухая... наверное, я всю технику досконально не прорабатывала, но чернила были в самом деле мокрые. Это просто как грязь на бумаге, понимаешь? Ну, на экране дисплея, понял?.. Брали сок какой-нибудь особо чернящей ягоды, черники, наверное, этот сок набирали в авторучки, но она хоть и «авто», но все равно приходилось водить рукой, выписывать, вырисовывать буковки! Это трудно сейчас представить, когда нажимаешь клавиши с готовыми буквами, а раньше... Но тогда вот так, вода пером по бумаге, просто передавали информацию, а сейчас это це-

лая наука о характере пишущего и даже адресата, это познание личности автора, проникновение в его интимный мир, ведь от того, как держит перо, как черкает, пишет ли с нажимом или без, можно многое узнать о человеке, ибо такое вот письмо очеловечивает сам процесс передачи информации через написание букв. Это соприкасается с церковно-ритуальным, ибо можно рассматривать и как хореографию, разновидность танцевального искусства руки, и как нечто сакральное, прикосновение к высшему...

Мрак кивал обалдело.

– Это очень важная дисциплина, – сказала она сурово. – И становится все важнее именно в этом новооткрытом качестве проявления тактильно-жестикультурных свойств, как рудимент человеческого в нашей почти что уже нечеловеческой цивилизации, а скоро уже точно нечеловеческой. Ведь от мокрой подписи, wet signature, окончательно избавились еще в начале века, лет десять-двадцать тому, заменив ее электронной, цифровой идентификацией...

Мрак ахнул:

– Десять-двадцать лет назад? Господи, как давно! Действительно, дикари, дикари...

Виктория и Олег с балкона рассматривали город, Виктория повернулась и прямо взглянула в зеленые глаза мужчине, в котором к своему удивлению все еще не отыскала слабых мест.

– Рассказываете вы хорошо... как и фокусы показываете. Но все-таки, как подключаетесь к Интернету? Если даже очками не пользуетесь.

Олег развел руками.

– Я же сказал, испытываем кое-какую аппаратуру. Вернее, имплантаты. То, что вы носите в очках, у нас с Мраком... внутри. Пока что, надо сказать, результатами довольны.

Виктория вскрикнула с пылкостью:

– Вот бы мне в вашу группу!.. Я бы с таким счастьем все это испытывала!

Олег ощутил то состояние, что раньше называли холодком по коже, словом, внутреннее предостережение, когда разум еще не сообразил, что и как, должен все перебрать по логическим звеньям, чтобы прийти к какому-то выводу, а инстинкт на основании многочисленных ударяний мордой о столб уже кричит: берегись, опасность!

Ее глаза горели восторгом, она смотрела на Олега с завистью, сразу превратившись из надменной директрисы в ждущую чуда девочку, что увидела Деда Мороза с большим мешком на спине.

Мрак на радиоволне спросил Олега:

– Ты что задумал?

– Можем проверить, – ответил Олег, не отрывая взгляда от счастливого лица Виктории, – некоторые предположения...

– Какие?

– Самые фундаментальные, Мрак. От которых просыпаемся по ночам в кошмарах.

Мрак смолчал, понятно, о чем речь, а Олег сказал осторожно:

– Виктория, у нас есть право привлекать добровольцев к опытам. Но не повредит ли вашей напряженной работе...

Она с пренебрежением отмахнулась.

– Да чего стоит вся та работа в сравнении!

Снова Олег ощутил на себе тяжелый взгляд Мрака. Олег ответил как можно более ровным голосом:

– Разве не работа для человека... настоящего человека важнее? Тем более творческая?

Снова она отмахнулась:

– Да, конечно, но испытывать новое, что войдет в быт только через годы, разве не интереснее? А я занимаюсь пока что тем, что занимаются всего лишь люди...

Холодок по коже и во внутренностях стал заметнее, Олег видел, как насторожился и Мрак, в коричневых глазах читалось: «ты прав». Виктория посмотрела на Олега, нахмурилась, женским чутьем уловив нечто неладное, сказала осторожно:

– Чувствую, вам нужно перекинуться парой слов с вашим другом. А я пока пойду, помою руки.

Она удалилась в ванную комнату, а Тигги, оставив Мрака, тут же вышла на балкон к Олегу, вздохнула:

– Такая жара... С этим всеобщим потеплением вообще

все с ума посходили. Даже комары по ночам стали залетать какие-то совсем кусачие. Никакой «Инсектрекс» их не берет. Я уже на окнах защиту поставила. Откуда берутся?

– Из труб, – предположил Мрак из комнаты.

– Каких? – наивно спросила Тигги.

Мрак рассмеялся, слышно было, как в ванной шумит вода, Виктория появилась обнаженная до пояса, с майкой в руке, на коже блестели мелкие бусинки. Грудь подтянулась, алые кончики от холодной воды заострились и затвердели. От всей фигуры веяло свежестью и холодком, как от снежной королевы.

– О чем секретничаете? – спросила она из комнаты.

Олег вышел с балкона, окинул Викторию оценивающим взглядом.

– Есть, есть у нас с Мраком задумка. Нам пора возвращаться на работу... Но можем и вас захватить в качестве багажа.

– А что у вас за такая работа? Помимо испытаний? Или это у вас основное занятие?

– Есть такой островок в Средиземном море, – ответил Олег туманно. – Там наша лаборатория. Чистое море, изумительный пляж, пальмы, кораллы, попугаи... Можно сочетать приятное с полезным.

С балкона выскочила Тигги, восторженно взвизгнула:

– Как здорово! Собираетесь заманить нас, невинных и беззащитных, и там посреди океана зверски изнасиловать?

Как романтично! Виктория, соглашайся скорей, пока не передумали!

Виктория взглянула на Олега испытующе.

– Вы всерьез?

– Абсолютно, – ответил он. – У нас, в самом деле, есть на вас виды.

– Какие, если не секрет?

– Помимо зверского изнасилования, как мечтает ваша подруга, вы могли бы принять участие в испытании некоторых технологических новинок.

У Виктории вспыхнули глаза, но тут же погасли, помялась, в голос звучало явное сожаление:

– Увы, облом-с. Моя работа не позволяет... не позволяет отлучаться. Тем более мне, я ведь не просто директор по проблемам агрессивности толпы, но и...

Она умолкла, Олег тут же сказал:

– Догадываюсь. Вы стараетесь присутствовать там, где проводят операции по снятию агрессивности, верно?

Она взглянула с удивлением и некоторой благодарностью.

– Вы избавили меня от необходимости соврать. Но как вы поняли?

– Я же сказал, работаем в близких областях. Судя по вашим словам, одна из таких операций будет скоро?

– Да.

– Когда?

Она прямо взглянула ему в глаза.

– Я не имею права говорить о таких вещах.

Он кивнул.

– Хорошо. Я сейчас загляну, как это уже проделал Мрак, в ваше досье, посмотрю, над чем работали в последнее время, а там и...

Она вскрикнула:

– Нет! Вы не должны.

– Почему?

– Там помимо подобных операций есть и... другие, которые засекречены еще строже. Я не знаю, откуда у вас доступ, но лучше без особой надобности туда не заглядывать.

Он кивнул снова.

– Вы правы.

Она помялась, взглянула на Мрака, на притихшую Тигги, произнесла едва слышно:

– Сегодня. Если точно... – она посмотрела на стену, где на самом деле никаких часов, но Олег и Мрак видели, что для нее там очки явно показали большое табло, повторила медленно, – где-то через два-три часа. Кстати, мне уже пора выходить.

Мрак сказал громко, перехватывая инициативу у Олега:

– Ерунда, не волнуйтесь, доставим в мгновение ока. Нам самим интересно посмотреть... Тигги, а ты?

– Как скажешь, – ответила она победно.

– Настоящая женщина, – похвалил он. – Хоть и не блондинка.

– Как это не блондинка?

– Ты мое золотце, – сказал он, и она тут же бросилась ему в объятия. – Барсика оставим пока у тебя, хорошо?

– Конечно! Моя кошечка о нем позаботится.

Олег кивнул Виктории в сторону балкона:

– Оттуда увидите машину темного цвета у самого подъезда. Она ждет нас. Где ожидается акция?

Виктория, не поверив, вышла на балкон, перегнулась через перила. На ее лице проступило напряжение. Коротко взглянула на Олега, снова на машину. Он подсадовал, ведь могла же заметить, что несколько секунд там никакой машины не было, хотя обычно женщины замечают только наряды встречных модниц да как на них самих смотрят встречные мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.